

124 296

124 296

Д. УИЛБЕР



ПЕРСЕПОЛЬ

И 124 \_\_\_\_\_  
296

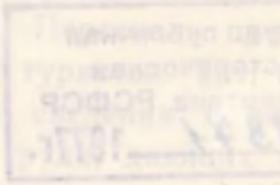
Академия наук СССР  
Институт востоковедения



Д. УИЛБЕР

# ПЕРСЕПОЛЬ

Археологические  
раскопки  
резиденции  
персидских  
царей



Издательство «Наука»  
Главная редакция восточной литературы  
Москва 1977

902.6  
У36

*Donald N. Wilber*

PERSEPOLIS

The Archaeology of Parsa,  
Seat of the Persian Kings

New York, 1969

Редакционная коллегия

*К. З. Ашрафян, Г. М. Бауэр, Г. М. Бонгард-Левин,  
Р. В. Вяткин, Э. А. Грантовский, И. М. Дьяконов,  
М. А. Коростовцев (председатель), С. С. Цельникер*

Перевод с английского

*Е. Л. Власовой*

Ответственный редактор

*М. А. Дандамаев*

**Уилбер Д.**

**У 36** Персеполь. Пер. с англ. Послесл. М. А. Дандамаева, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.

102 с. с ил. («По следам исчезнувших культур Востока»)

Книга известного американского археолога Д. Уилбера рассказывает о памятниках Персеполя, столицы Ирана в VI—IV вв. до н. э., которые археологи многих стран раскапывали в течение последних тридцати лет.

У 10602-128 — 144-77  
013(02)-77

902.6

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.

Персеполю (персы называли его Парса) — одно из подлинных чудес света. Расположенный в центре древнейшей мировой державы, он повествует о Персии династии Ахеменидов. Архитектура Персеполя отражает различные чужеземные влияния. Искусно выполненные рельефы свидетельствуют о величии ахеменидских царей.

Более сорока лет прошло с тех пор, как на этом месте были начаты археологические раскопки. Теперь, когда они близки к завершению и Археологическая служба Ирана занялась ремонтом и укреплением зданий, Персеполь привлекает всё возрастающий поток туристов. Тот, кто хочет получить исчерпывающие сведения о нем, может прочесть два солидных труда, дающих описание раскопок, которые здесь проводились с 1931 по 1939 г. В настоящей книге содержатся некоторые соображения, которых читатель не найдет в вышеупомянутых трудах. Поскольку количество примечаний в книге ограничено, ряд гипотез приводятся без ссылок на их авторов.

Автор выражает особую признательность доктору Эзату О. Негахбану, директору Института археологии Тегеранского университета и Музея археологии Ирана. По его просьбе рукопись была отредактирована Д. Б. Стронахом, директором Британского института иранистики в Тегеране, и доктором

Клаусом Шиппманном из Геттингенского университета.

Я чрезвычайно благодарен этим исследователям за их ценные указания. Я также признателен Азеду Берузану из Иранской национальной туристической организации, который сделал многие снимки, воспроизведенные в этой книге, и Малеку Араки, фотографу Археологической службы Ирана. Хасан Шабаз, генеральный директор Отдела внешних сношений министерства информации, в свою очередь, любезно предоставил мне ряд фотографий.

*Доналд Н. Уилбер*

## ПЕРСЕПОЛЬ — СИМВОЛ ДЕРЖАВЫ

*Персеполь и его окрестности*

Если ехать на машине на север из Шираза — красивого старинного города на юго-западе Ирана — по современной автостраде через пустынную равнину Мерв-и-дашт, то придешь в Парсу, которую обычно именуют Персеполем или Тахт-и-Джемшидом. Величественные развалины его зданий и дворцов поднимаются на фоне мрачной горы, которая с мусульманских времен называется Кух-и-Рахмат (Гора Милосердия). При заходе солнца камни Персеполя приобретают различные оттенки, которые меняются, по мере того как становится темнее, от желтого до розового и густо-красного, и кажется, что эти древние строения вновь пожирает пламя давно ушедшего прошлого; при облачном зимнем небе камни кажутся черными, темно-коричневыми или серыми — унылое зрелище, вызывающее в памяти строки Омара Хайама:

Где могучий Бахрам за онагром скакал —  
Там теперь обитают лиса и шакал...

*Пер. Г. Плесецкого*

Персеполь — монументальный комплекс, воздвигнутый царями из династии Ахеменидов между 520 и 450 гг. до н. э. с целью продемонстрировать величие и величие древнейшей мировой державы. Сейчас это руины, сохранившиеся с тех времен, когда город был сожжен Александром Македонским. Хотя развалины, рельефы, протянувшиеся на сотни футов, и надписи, высеченные на памятниках, раскрывают историю Персеполя, прошлое его еще не получило полного опи-

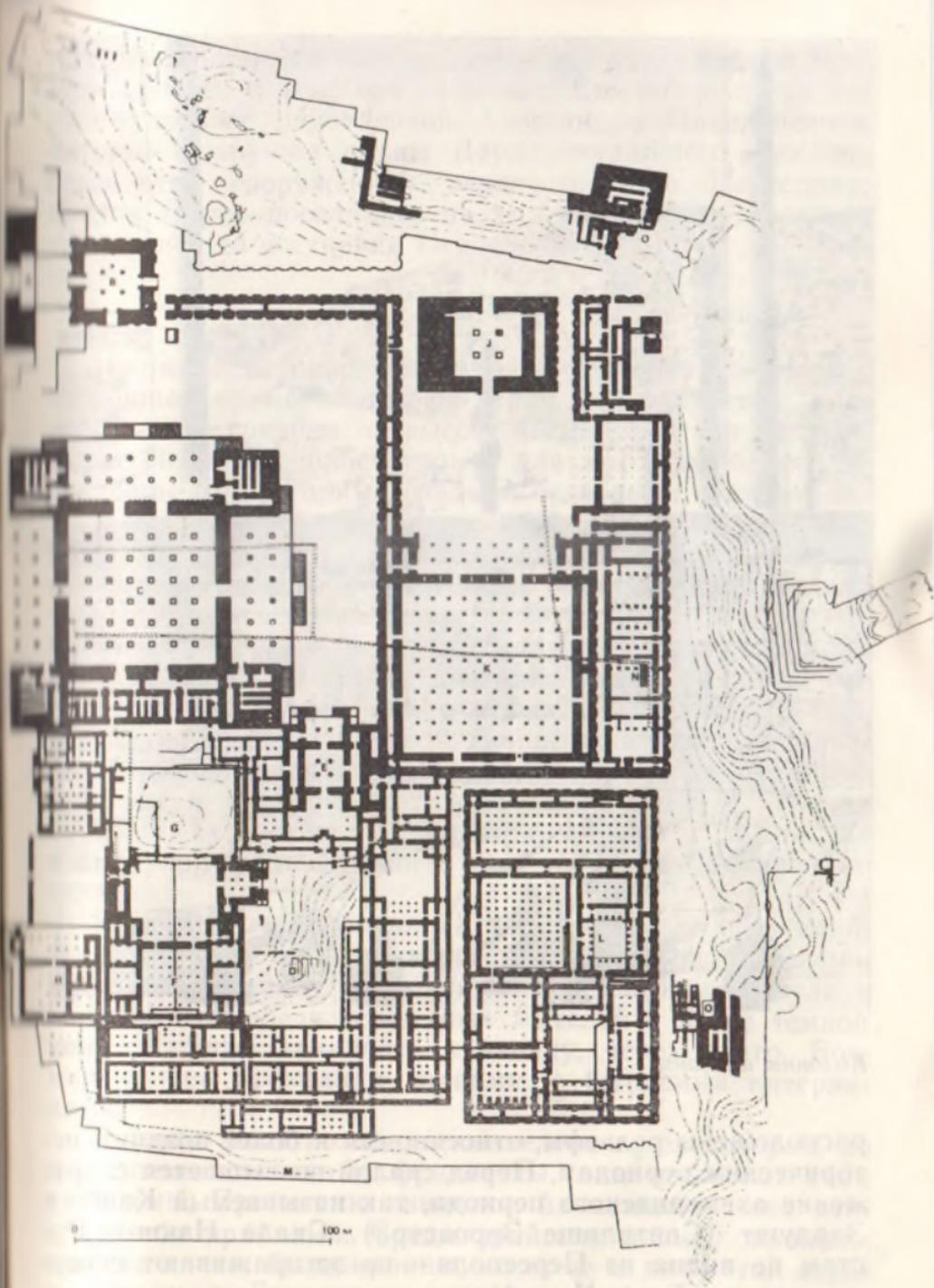
сания и может быть лишь частично воссоздано по другим источникам.

Видимо, никогда окончательно не рассеется тайна, окутывающая эти сооружения. Несмотря на то что в зданиях Персеполя люди жили почти в течение двух столетий, нет никаких следов износа ни на ступенях, ни на порогах, ни на полах; не видно даже, чтобы царская домашняя утварь, высеченная из камня, находилась когда-либо в употреблении. Незаполненными остались многочисленные таблички для царских надписей, и это по сей день никак не объяснено.

Персеполь — наиболее важное из четырех находящихся здесь сооружений ахеменидского периода. Подобно другим памятникам старины, он сохранил значение национального духовного святилища; его здания и дворец возвышаются на 40 футов над равниной на террасе площадью 33 акра. Большую часть длины Персеполя (2400×1000 футов) занимают девять основных зданий. Сооружения, остатки которых сохранились до настоящего времени, включают царскую резиденцию, город, одно загадочное здание и ряд гробниц. Ниже террасы Персеполя, на равнине, были расположены дома царских придворных. Согласно греческим источникам, эту обширную территорию окружала двойная стена, которая отделялась от террасы широким рвом.

Древний путь шел от подножия террасы на север, а затем на восток вокруг отрога Горы Милосердия. На берегу реки Пульвар, на расстоянии примерно трех миль от Персеполя, находился город Истахр. Сейчас здесь возвышаются лишь немногие развалины, относящиеся к послеахеменидскому периоду. Тут же можно переправиться через реку вброд. На расстоянии примерно 9,5 км от Персеполя находится каменная скала длиной 500 и высотой 200 футов, которая называется Накш-и Рустам (Портрет Рустама). Согласно преданию, на рельефе сасанидского времени изображен легендарный охотник Рустам. В действительности таких рельефов три, на двух [воцарение Ардашира I (III в. н. э.) и триумф Шапура I (2-я половина III в. н. э.)] изображены всадники, а на третьем — Варахран III со своей семьей.

В этой же скале высечены четыре гробницы ахеменидских правителей, связанных с Персеполем, а ниже



### План Персеполя

А — лестница на террасу; В — „Ворота всех стран“; С — апсиды; D — Дворец D; E — Тройной портал; F — Дворец Ксеркса; G — Дворец G; H — Дворец H; I — Дворец Дария; j — незавершенные ворота; K — Тронный зал; L — сокровищница; M — кладовые; N — конюшни и гарнизонные помещения; O — крепостная стена; P — гробница Артаксеркса II



*Колонны ападаны*

расположены рельефы, относящиеся к более поздним историческим периодам. Перед скалой возвышается сооружение ахеменидского периода, так называемый Каба-и Зардушт (Святынище Зороастра). Скала Накш-и Рустам не видна из Персеполя — ее загораживают северные склоны Горы Милосердия.

Персеполь относится к периоду правления двух ахеменидских царей — Дария I и его сына и преемника

Ксеркса. Дарий очень гордился своим персидским происхождением и тем, что он ариец. Его родословная гораздо древнее родословной Александра Македонского, который разрушил планы Дария, желавшего достичь бессмертия сооружением величественного Персеполя; предки Дария поселились на этой территории почти за тысячу лет до постройки Персеполя.

### *Арийцы*

Иранское нагорье, обширная территория, которую в настоящее время занимают Иран и Афганистан, расположено в среднем на высоте 4000 футов над уровнем моря. По этому плоскогорью, для которого более характерны голые горные гряды и безводные пустыни, нежели плодородные земли, а также через города, расположенные на значительном расстоянии друг от друга вдоль берегов немногочисленных рек, всегда проходили торговые пути, соединявшие далекую Азию со странами Средиземноморья. С древнейших времен различные племена из глубин Азии двигались на юг и запад через плато и далее. Только караванам удавалось благополучно проходить здесь. Воины-кочевники на лошадях, передвигавшиеся медленно, так как они перегоняли овец и рогатый скот, приходили сюда в поисках пастбищ. Тут оставили след многочисленные армии, которые разрушали на своем пути города и убивали жителей.

Еще задолго до начала I тысячелетия до н. э. арийские племена, видимо, пересекли реку Окс<sup>1</sup> — северо-восточную границу нагорья. Одни из них повернули в Индию, где победили местных жителей с более темной кожей, другие двинулись к западу, через плато. Возможно, они проходили волнами, с большими интервалами.

В своих религиозных произведениях, от которых до нас дошли отдельные фрагменты, они называют себя арийцами. Правители династии Ахеменидов тоже считали себя арийцами. Среди арийских племен, пришедших на плато, были иранцы, которые и дали этой стране свое имя. Лингвистически Иран и Ариана означают одно и то же, хотя как название страны слово «Иран» появилось только после Ахеменидов.

Немало усилий было приложено к тому, чтобы изучить религиозную и социальную структуру арийцев до их прихода на плато. Основной источник здесь — Авеста — сборник древнейших гимнов и прозаических текстов. Арийцы поклонялись солнцу, небу и различным силам природы. Преимущественно они были кочевниками-скотоводами.

Доказательством того, что арийцы пришли на плато и двигались по нему вплоть до равнины Двуречья, служат надписи. В одной из них, датированной примерно 1370 г. до н. э., содержатся имена арийских богов, а в других засвидетельствованы индоевропейские слова. Пришельцы ассимилировались с местным населением, и только с появлением иранцев, то есть мидийцев и персов, число арийцев настолько увеличилось, что они могли навязывать свою волю исконному населению. Поскольку могущественная армия Ассирии победоносно прошествовала через западные склоны нагорья, покоряя местных жителей и увозя многих из них с собой, задача арийцев была значительно облегчена. Впоследствии они, в свою очередь, выступили против Ассирии.

Страна Парса (Персия) впервые упоминается под названием Парсуа в ассирийской клинописной надписи 843 г. до н. э., рассказывающей о походе Салманасара III. Согласно этой надписи, персы жили на некотором расстоянии к юго-западу от современного озера Резайе (Урмия). Возможно, были еще две другие группы персов — одна далеко на юге, а другая на значительном расстоянии к западу от Парсуа. Если это так, то особый интерес представляют те персы, которые имели связи с эламитами, исконным населением юго-западной части плато со столицей в Сузах. Действительно, в 690 г. до н. э. персы объединились с эламитами для борьбы против Ассирии.

Мидийцы упоминаются в ассирийской надписи 835 г. до н. э. Эти племена воевали друг с другом, а также с Урарту и Ассирией. Один из вождей мидийцев, Дайаукку, тщетно пытался объединить этот народ. Только в 673 г. до н. э. Хшатрите, которого греческие историки называют Фраортом, удалось объединить мидийцев в борьбе против Ассирии и подчинить персов. Его сын Увакиштар (Киаксар) сделал Персию своей союзницей против общего врага — Ассирии.

В 614 г. до н. э. Киаксар выступил против Ассирии, захватил город Ашшур и в 612 г. до н. э. сровнял с землей великую Ниневию. Затем он совершил поход на запад до самой Лидии; в 585 г. до н. э. вернулся, покорил Урарту у озера Ван и установил границу своего царства вдоль реки Аракс. Таким образом, из маленького княжества в горах на западной окраине нагорья Мидия превратилась в государство настолько могущественное, что смогла разрушить всемогущую Ассирию.

Кир II (Куруш), перс, потомок Ахемена (Хахаманиш) в 559 г. до н. э. стал царем Аншана. Аншан — местное название области, включавшей Персию (Парса) и Элам (Худжа). Кир II был вассалом мидийцев. В 555 г. до н. э. он заключил союз с царем Вавилонии, примерно в 549 г. разбил войска мидийского царя Астиага и к 546 г. до н. э. захватил Элам (последний так и не смог оправиться от разрушений, нанесенных еще ассирийцами). Кир II выступил против Креза, царя Лидии, и занял знаменитый город Сарды. На обратном пути в 539 г. до н. э. он свернул в сторону и покорил Вавилон.

Своей столицей Кир II сделал Хагматану (в прошлом главный город мидийцев, современный Хамадан), известную грекам как Экбатаны. К этому времени, вероятно, Кир II развернул строительство Пасаргад (персидское название, возможно, было Пайшиявада). Город был расположен в хорошо орошаемой горной долине и, согласно греческим источникам, находился поблизости от того места, где Кир II разгромил Астиага. В 530 г. до н. э. Кир II был убит в бою и похоронен в сооруженной в Пасаргадах гробнице.

Кира II обычно считают самой выдающейся личностью из пятнадцати ахеменидских правителей (некоторые из них не оставили большого следа в истории). Он добился установления прочных отношений между персами и мидийцами, объявив себя преемником Астиага. В годы его владычества с покоренными народами обходились хорошо, уважали их обычаи и религиозные верования. Кир II молился у их алтарей и иногда оставлял у власти старых правителей. Так, в Книге Эзры говорится о его благожелательном отношении к иудеям.

После Кира на престол вступил его сын Камбиз II (Камбужия); последний царствовал недолго, до 522 г. до н. э., и вошел в историю как завоеватель Египта. За-

тем к власти пришел представитель другой ветви Ахеменидов, Дарий I (Дараявауш), убивший с помощью своих приближенных самозванца Гаумату. Об этом рассказывает трехязычная надпись (на древнеперсидском, эламском и аккадском языках), высеченная в скале, находящейся на расстоянии 104 км от Экбатан, в местности под названием Бехистун (по-древнеперсидски Бага-стана, «место Бога»). Древнеперсидский ее вариант, составленный на родном языке Дария I, имеет 414 строк. Надпись видна на скале, нависающей над древним караванным путем, на высоте примерно 225 футов. Хорошо виден рельеф с изображением самозванца Гауматы и плененных мятежников. Текст надписи занимает площадь 59 футов шириной и 25 футов высотой. Она содержит подробное описание победы Дария над мятежниками и дает представление о его этических взглядах.

Первым, кто скопировал (между 1836 и 1847 гг.) Бехистунскую надпись, был английский лейтенант Г. Роулинсон.

Укрепив свое положение на троне, Дарий I<sup>2</sup> начал строительство Персеполя, а спустя некоторое время выступил в поход на запад. В 512 г. до н. э. он пересек Босфор и покорил Фракию. Затем перешел Дунай, однако вынужден был вернуться, так как его завоевания оказались непрочными. Убедившись, что греки на Балканском полуострове помогают своим колониям в Малой Азии освободиться от персидского господства, он предпринял два похода против Греции (492—490 гг. до н. э.). Потерпев поражение в битве при Марафоне, персы отступили.

После Дария в 486 г. до н. э. престол занял Ксеркс I. Он собрал армию, которая, по утверждению Геродота, насчитывала миллион семьсот тысяч человек и опиралась на большой флот. Выступив против Греции в 480 г. до н. э., Ксеркс I захватил Афины и сжег Акрополь. Однако, после того как флот его был уничтожен в битве при Саламине, а сухопутные силы разбиты при Платеях, Ксеркс отступил в Малую Азию. Военные действия между греческими городами-государствами и державой Ахеменидов не прекратились, но постепенно отношения между ними перестали носить враждебный характер.

Артаксеркс I вступил на престол после своего отца в 465 г. до н. э. и царствовал до 424 г. до н. э. При нем

империя пришла в упадок, начались мятежи в Египте и других сатрапиях<sup>3</sup>. Лишь при Артаксерксе III, который правил с 359 по 338 г. до н. э., границы державы были быстро восстановлены.

Когда Дарий III пришел к власти, влияние Александра, сына Филиппа Македонского, на Балканском полуострове значительно усилилось. Вскоре после этого Александр высадился в Азии. В битве при Иссе он разгромил армию Ахеменидов под командованием Дария III. Когда Дарий понял, что проигрывает сражение, он бежал с поля боя, бросив на произвол судьбы жену, мать и маленького сына.

Затем Александр повел свои войска на юг вдоль Средиземного моря и покорил Египет. Вернувшись назад через Сирию, он направился на восток и пересек реки Тигр и Евфрат. К востоку от Тигра, при Гавгамелах, он встретил и разгромил еще одну армию персов, насчитывавшую, как утверждают, миллион сорок тысяч человек против сорока семи тысяч воинов армии Александра. Сохранилось подробное описание битвы. В ней перечислены все основные части персидской армии. Дарий III снова бежал.

Вслед за победой при Гавгамелах Александр двинулся на юг, вступил в Вавилон и затем направился на восток в Сузы<sup>4</sup>, где ворота его передовым отрядам были уже открыты. Сокровища, захваченные во дворцах, оценивались в 40 тысяч талантов серебра и 9 тысяч талантов золота. Продолжая продвигаться через горы к востоку от Суз, Александр встретил сопротивление местных племен. Без всякого усилия он смял их на своем пути и вступил в Парсу, торопясь захватить Персеполь до того, как он будет разграблен своим собственным гарнизоном. Город сдался Александру 1 февраля 330 г. до н. э. Поселение, расположенное у террасы Персеполя, было жестоко разграблено, а жители его уничтожены. Историки Александра сообщают об огромной добыче: 120 тысяч талантов серебра, 8 тысяч талантов золота, неисчерпаемых запасах драгоценностей и предметов из золота.

Продвинувшись всего на сорок пять миль к северу и захватив богатства Кира в Пасаргадах, Александр вернулся в Персеполь, который вскоре был подожжен. Согласно одним источникам, это разрушение считается

преднамеренным, другим — случайным. Флавий Арриан, основывающий свои сведения на описании этого события, оставленном историком Александра Аристубулом, категорически утверждает, что Александр велел сжечь дворец, чтобы наказать персов за их злодеяния во время захвата Греции, а именно за сожжение храмов и убийство эллинов.

Затем Александр повернул на север, потом на восток, преследуя Дария III. Однако Александр нашел лишь останки Дария: последний был убит своей собственной свитой. Тело Дария отправили обратно в Персеполь. Он был похоронен в царском склепе. Александр же двинулся в сторону восходящего солнца в свое фантастическое путешествие, приведшее его в загадочную Индию. Александр стремился достичь «конца света». Но его воины не захотели продолжать этот полный риска и опасностей поход. После долгих месяцев лишения он вновь вернулся в Сузы, чтобы дать отдых своему измученному войску. По возвращении Александр посетил гробницу Кира и обнаружил, что со времени его первого посещения она была вскрыта и разграблена. Арриан подробно описывает это событие, утверждая, что по приказу Александра гробница была восстановлена, а дверь ее покрыта глиной, на которой царь поставил свою печать как гарантию того, что все должно оставаться неприкосновенным. Тот же самый историк по прошествии длительного времени, касаясь этих событий, сообщает, что гробница находилась в парке, орошаемом каналами, окруженном деревьями и лугами с сочной травой. Сама усыпальница, представляющая собой прямоугольное сооружение с каменной крышей, возвышалась на платформе из камня. Все эти детали полностью соответствуют памятнику, дошедшему до наших дней.

Хотя гибель Персепполя ознаменовала конец Ахеменидской державы, его поджог оказал определенную услугу грядущим поколениям. Рельефы и развалины дворцов, несомненно, сохранились сравнительно хорошо. В противном случае камни пошли бы в качестве строительного материала для различных сооружений последующих веков.

## АХЕМЕНИДЫ И ПЕРСЕПОЛЬ

Ученые полагают, что Персеполис был своеобразным духовным святилищем огромной империи Ахеменидов, отчасти потому что на его рельефах мы видим сидящих на троне царей под изображением бога арийцев Ахурамазды. Этот город, несомненно, считался священным местом, где короновали, хоронили царей и куда по случаю новогоднего праздника привозили дань из земель, подвластных персам. Первым днем Нового года был день весеннего равноденствия 21 или 22 марта. Цари изображены на переносном троне. Видимо, перенос трона — часть ритуала, которым отмечалось празднование Нового года. Существует предположение, хотя и недостаточно доказанное, будто бы здания на террасе были расположены таким образом, чтобы дать возможность наблюдать за движением небесных тел, особенно в период равноденствия и солнцестояния.

Надписи (вряд ли здесь можно будет когда-либо обнаружить новые) в Персеполе очень скупо раскрывают цели и назначение зданий.

К сожалению, до нас не дошли письменные памятники, которые можно было бы сравнить с греческими источниками. Возможно, таких текстов никогда и не существовало. Надписи, высеченные по приказу царей на скалах, гробницах или архитектурных памятниках, насчитывают в целом около 5800 слов. За исключением длинной Бехистунской надписи Дария I и надписи на его гробнице, это в основном повторяющиеся заявления о наследовании престола, о царской генеалогии, религиозном благочестии, а также списки стран, находившихся под властью Ахеменидов. Для историка эти материалы не представляют большой ценности.

Многие слова этих надписей — личные имена, названия мест и месяцев. Можно лишь посочувствовать лингвистам, которые пытались восстановить грамматику древнеперсидского языка на основании этих скудных материалов, и приветствовать то, что им удалось сделать.

Клинописные царские надписи обычно составлялись на трех языках: древнеперсидском, эламском и аккадском (вавилонском). Древнеперсидским ученые называют разговорный язык царей ахеменидской династии. Он принадлежал к иранской ветви индоиранской группы, одному из основных подразделений индоевропейской группы языков. В Персеполе и других местах на древнеперсидском языке составлялись царские надписи. Эламским же и арамейским пользовались при дворе как канцелярскими.

Все, что мы хотим узнать о Персеполе, должно исходить из самого этого города: из сведений, содержащихся в надписях на стенах, на камнях и отдельных предметах (таких, как блюдо из золота и серебра), найденных при раскопках, а также из тысяч необожженных глиняных табличек, которые были обнаружены в двух разных местах на территории города.

Около тридцати тысяч текстов и фрагментов раскопали в 1933 и 1934 гг. в районе северной крепостной стены. Целые таблички размером всего лишь  $1\frac{1}{2}$  и  $1\frac{1}{4}$  дюйма относятся к периоду между 510 и 494 гг. до н. э.; однако таких табличек мало. В 1938 г. при раскопках развалин сокровищницы нашли около 750 более крупных текстов и фрагментов, относящихся к периоду 492—460 гг. до н. э. Некоторые из них удалось датировать, потому что на них был указан год правления царя. Только 114 из всех документов содержали достаточно текстового материала, чтобы его можно было перевести.

Дж. Камерон в своем всеобъемлющем труде «Persepolis Treasury Tablets» («Персепольские таблички сокровищницы») перевел тексты персепольской сокровищницы и исследовал их.

Таблички крепостной стены еще не изучены и не опубликованы<sup>5</sup>. Дж. Камерон утверждает, что в этом материале «не содержится никаких договоров, хроник, анналов, писем к сатрапам или от них или указов для дальних провинций державы».

Таблички сокровищницы написаны на эламском языке и фиксируют доходы и расходы, произведенные в Парсе, куда входил сам Персеполис и прилегающий к нему район. Большинство табличек по своим формулам составляют два типа: письма, требующие оплаты выполненной работы, и просьбы о возмещении истраченных сумм. Удалось установить весь процесс составления табличек. Писец получал устное распоряжение от должностного лица и записывал его на арамейском языке на папирусе или коже. Через некоторое время эти письменные уведомления отправлялись в сокровищницу и передавались там писцам, которые переводили текст на эламский язык и затем писали клинописью на глиняных табличках. Предполагают, что этими писцами были эламитяне, которых направляли в Персеполис из Суз — второй столицы Ахеменидов<sup>6</sup>. Официальные печати подтверждают подлинность записей на табличках. Людьями, получавшими плату, были служащие сокровищницы, приближенные и слуги в Персеполе, а также ремесленники, занятые на строительстве и декоративных работах.

Эти таблички расширили представление о Персеполе в двух направлениях: из них мы узнали даты царствования Дария I и Ксеркса, а также получили сведения о работниках, занятых на строительстве города.

Поскольку сами древние персы не написали свою историю, мы в значительной степени зависим от греческих источников. Одни из них относятся к ахеменидскому периоду, другие — к более позднему времени. Не следует ожидать, что греческие авторы могли относиться сочувственно и беспристрастно к империи, которая поглотила греческие колонии в Азии и неоднократно нападала на материковую Грецию. Кроме того, достоверность значительной части этих сведений очень сомнительна. В их основе лежат традиции, мифы, которые возникали вокруг давних событий и «фактов», передававшихся из поколения в поколение. Слова «варвар» и «перс» использовались греческими авторами, такими, как Арриан, равнозначно, но в те времена «варварами» считали только «чужеземцев». Сейчас это понятие имеет совсем другое значение. В действительности же персы, по-видимому, презирали практичных торговцев-греков. Совершенно очевидно, что в таких областях общественной жизни, как управление, стабильная правительственная

политика и терпимое отношение к различным расам и учениям, успехи персов затмевали достижения греческих городов-государств.

Греки знали о Персеполе только по слухам, хотя они были достаточно хорошо осведомлены о таких городах, как Вавилон, Экбатаны и Сузы. Эсхил, современник Ксеркса I, назвал этот город Персептолисом — «разрушителем городов», имея в виду сожжение Афин Ксерксом. Это название было видоизменено в Персеполь, что значит «город персов», хотя правильное было бы — Парса.

Ктесий, греческий врач, лечивший Артаксеркса II и живший в течение двадцати лет при царском дворе, никогда не видел Персеполя и не упоминал его в своих произведениях<sup>7</sup>. Его современник, Ксенофонт, называет этот город Персай. В гораздо более поздние времена название Персеполь трансформировалось в Парс, или Фарс. Основываясь на этих вариантах, страну во всем мире стали называть Персия, не подозревая, что ее подлинное название Иран.

То, что историки в течение долгого времени основывались на греческих источниках, привело к полному забвению персидских. Имена правителей и государственных служащих, а также названия дворцов теперь известны в их греческих вариантах даже в том случае, когда передача этих имен и названий была неверна. Мы надеемся здесь исправить это. Перечисленные имена царей были их тронными, личные же имена неизвестны<sup>8</sup>. Следует отметить, что царь, принимавший имя, которое носили его предшественники на престоле, не добавлял к нему порядкового числительного, как это делаем мы (например, Дарий III), а называл свое имя, а также отца и деда.

Название Парса (т. е. Персеполь) засвидетельствовано в надписях у входа в портик. Строительные работы были впервые предприняты Дарием I (Дараявауш — «державший добрую мысль»), правившим с 522 по 486 г. до н. э. и именовавшим себя сыном Виштаспы (Гистасп), Ахеменидом (Хахаманишия). Это был «перс, ариец, арийского происхождения»<sup>9</sup>. Строительство продолжили его сын Ксеркс I (Хшайарша — «герой среди царей», 486—465 г. до н. э.) и внук Артаксеркс I (Артахшасса — «владеющий царством справедливости», 465—425 г. до н. э.). В ахеменидских надписях даны

названия сатрапий, входивших в империю, а также сообщаются некоторые важные факты, касающиеся их населения.

Согласно надписям двух предшественников Дария (Ариарамны и Аршамы), Персия славилась прекрасными лошадьми и мужественными мужчинами.

По сравнению с другими царями Дарий оставил о себе более полные сведения. В Бехистунской надписи он сообщает: «Я не был лжецом или злодеем... Согласно справедливости поступал я. Я не делал зла ни слабому, ни сильному. Человека, который старался [делать добро] для моего дома, я благодетельствовал, того, кто предил, я строго наказывал».

Надписи на гробнице в Накш-и Рустаме содержат сходные заявления. Дарий дает здесь себе следующую характеристику: «Я не вспыльчив. Я владею собой и умею сдерживать гнев... То, что один человек говорит против другого, не убеждает меня, пока я не услышу речи их обоих. Тому, что человек делает или совершает по силе своих возможностей, я радуюсь и бываю удовлетворен. Верных людей я щедро награждаю... Когда ты увидишь или услышишь о том, что было сделано мной во дворце и на поле боя, это будет свидетельствовать о моей деятельности и разуме, ибо мое тело сильное... Я — испытанный воин. Мои руки и ноги натренированы. Я хороший всадник. Я хорошо стреляю из лука с лошади и спешившись... О слуга, усердно рассказывай, какой я, как я ловок и как возвышаюсь над всеми. Пусть не покажется тебе неправдоподобным то, что услышали уши твои».

Возможно, Дарий диктовал писцам основное содержание этой надписи на родном (древнеперсидском) языке, зная, что эти слова будут высечены на древнеперсидском, эламском и аккадском.

### *Культура*

Царские надписи дают лишь отрывочные сведения об Ахеменидах. Наиболее исчерпывающим для нас источником являются описания Геродотом походов Дария и Ксеркса в Грецию. Автор покинул родину около 457 г. до н. э. (Малая Азия), путешествовал в течение десяти лет, собирал материал. Геродот, несомненно, хорошо

знал Малую Азию, провел довольно много времени в Египте и Ливии. Возможно, побывал в Двуречье, но маловероятно, чтобы он добрался до Иранского нагорья. Геродот, безусловно, общался с персами для того, чтобы, как он сам говорит, получить сведения из первоисточника.

Повторяя слова Дария, Геродот писал, что юноши персы обучались только трем вещам: «езде верхом, стрельбе из лука и правдивости». Он сообщал об их доблести в бою, любви к роскоши и о том, как охотно они перенимают чужие обычаи. Так, например, он писал, что персы «у греков заимствовали любовное общение с мальчиками». Что касается религии персов, то Геродот утверждал, что у последних нет изображений богов, нет ни храмов, ни алтарей и они приносят жертву Солнцу, Луне, Земле, Огню и Воде.

Геродот писал о царской дороге длиной тысячу пятьсот миль, соединявшей Сузы и Сарды. По ней на лошадях, которых меняли на почтовых станциях, доставляли официальные донесения. Геродот дал собственный вариант значений имен ахеменидских царей. Так, имя Дария было переведено как «труженик»<sup>10</sup>, Ксеркса — как «воин», а Артаксеркса — как «великий воин». Видимо, Геродот пользовался недостоверными источниками, хотя его описание того, как Дарий подавлял восстания и завоевывал трон, наводят на мысль, что он видел текст Бехистунской надписи в переводе на язык, которым владел<sup>11</sup>.

Геродот также сообщает, что Дарий разделил свою державу на двадцать административных округов, называвшихся сатрапиями. Слово «сатрап» не встречается в ахеменидских надписях<sup>12</sup>, где использовались слова «страна» для обозначения покоренных земель, обложенных данью. Наместники этих «стран» происходили из знатных персидских родов. Из других источников следует, что по традиции такие должности переходили по наследству. Фактически эта система — монархия, опиравшаяся на полузависимую провинциальную знать, — существовала в Иране на протяжении многих веков и была ликвидирована только в XX в.

Согласно Геродоту, армия состояла из шести корпусов, в каждом из которых было шестьдесят тысяч человек. У царей имелись личные телохранители; их назы-

были «бессмертными», потому что число их всегда составляло десять тысяч<sup>13</sup>.

Сельское хозяйство процветало. Правосудие вершилось справедливо. Правовой Кодекс Дария, основанный на Законах Хаммурапи<sup>14</sup>, не сохранился, хотя и нашел отражение в автобиографических надписях Дария. Этот кодекс с почтением упоминали в древнем мире наряду с Книгой Даниила, говорящей о «законах мидийцев и персов, которые нельзя менять». Этническим группам, населявшим империю, разрешалось соблюдать свои религиозные обряды. Им также помогали строить новые храмы (например, в Иерусалиме).

Геродот приводит суммы податей или налогов, которые в золоте или серебре платили сатрапы. Откупщики податей<sup>15</sup>, возможно, собирали налоги в драгоценных металлах или натурой. Основной денежной единицей являлись дарики, которые греки называли так по имени Дария<sup>16</sup>.

При царском дворе, а также в знатных семьях сохранялся дух рыцарства, вообще свойственный Дарию, но в то же время чувствовалось сильное влияние так называемого восточного образа жизни и мышления высокоцивилизованного Двуречья. В те далекие времена люди, разделенные расстоянием и происхождением, имели твердые убеждения относительно друг друга.

Ассирийцы, могущественные предшественники Ахеменидов, были, как свидетельствуют надписи и художественные рельефы, жестокими, хвастливыми и эгоистичными. В отличие от них Ахемениды, по-видимому, считали, что их главная миссия заключалась в установлении «порядка» во всем мире. Многим местным царькам разрешалось править, как и прежде. Широко развивались торговля и ремесло, поскольку в государстве царил мир.

Как это ни странно, но опытные воины Ахеменидов, несмотря на свои первые победы, не владели знаниями в области стратегии и тактики. Ксеркс, по-видимому, полагал, что он может покорить материковую Грецию лишь одним количественным преимуществом воинов и кораблей<sup>17</sup>. Наступление же армии Ксеркса было приостановлено незначительными силами греков<sup>18</sup>.

После того как Александр Македонский разгромил Дария III в первый раз, персидский царь выбрал для

боя широкую равнину у Гавгамел. По приказанию Дария поле боя в некоторых местах выровняли, чтобы сделать его пригодным для действий кавалерии. Александр обычно располагал свою кавалерию по обе стороны пешехотной фаланги. Во время битвы правое крыло охватывало ее так, что центр вражеского войска подвергался удару с фланга. Если бы силы Дария III были так велики, как утверждают греческие писатели, он смог бы расположить резерв пехоты и кавалерии в своем тылу и, по мере того как шел бой, использовать эти резервы, чтобы превосходящими силами одолеть греков.

### *Религия*

Отождествление Персеполя с духовным центром империи связано с религиозными верованиями ахеменидских правителей. Ученые используют всевозможные данные, подчас создавая теории, построенные на весьма шатких фактах. Единого мнения по этому вопросу нет.

В основу любого исследования древнеперсидской религии следует положить данные древнеперсидских надписей. Так, в надписи Ариарамны упоминается великий бог Ахурамазда, а Аршам говорит об Ахурамазде как о «великом боге, величайшем из богов». Дарий использует те же выражения и добавляет: «Ахурамазда вместе с богами царского дома».

Ксеркс взывает к «Ахурамазде вместе с богами» и поклоняется «благочестиво Ахурамазде и Арте». Артаксеркс I и Дарий III обращаются к Ахурамазде, прося благословения, в то время как Артаксеркс II — к «Ахурамазде, Анахите и Митре», а Артаксеркс III — к «Ахурамазде и к богу Митре».

Анахита и Митра считались арийскими божествами, пользовавшимися большой популярностью и среди неарийцев. Культ этих богов намного пережил гибель империи Ахеменидов. Но этого, однако, не случилось в будущем с Ахурамаздой, которого Дарий в Бехистунской надписи называет «богом арийцев». Арта, которую всегда связывали с Ахурамаздой, была божеством правосудия.

Данные различных источников указывают на то, что первые представители Ахеменидов (например, Дарий)

почитали огонь на алтарях, приносили в жертву животных, готовили и пили *хаому* (опьяняющий напиток); они верили в постоянный дуализм мира и в этом конфликте твердо стояли за истину, презирали ложь. У них были свои святилища. Интересно сравнить эту информацию с тем, что писал Геродот: «...Ставить кумиры, сооружать храмы и алтари у них не дозволяется; тех, кто поступает противно их установлениям, они объявляют глупцами, потому, мне кажется, что не представляют себе богов человекоподобными, как делают это эллины. У них в обычае приносить Зевсу жертвы на высочайших горах, причем Зевсом они называют весь небесный свод. Приносят жертвы они также Солнцу, Луне, Земле, Огню, Воде и Ветрам... Они не воздвигают алтарей и не возжигают огня; не делают воздвиганий...» [I, 131, 132].

Затем Геродот подробно описывал, каким образом приносились жертвы, утверждая, что при этом всегда присутствуют маги. «Маги резко отличаются от остальных людей... собственноручно умерщвляют всякое животное, кроме собаки и человека» [кн. 1, 140]. Он также писал, хотя и не в связи с религией: «Лживость считают они постыднейшим пороком» [кн. 1, 138].

Слова Геродота в некоторой степени отражают понимание зороастризма, хотя он и не слышал ничего ни о пророке и основателе Зороастре (Заратуштре), ни о великом боге Ахурамазде.

Полагают, что пророк Зороастр жил в восточном Иране вскоре после 600 г. до н. э. Он не пользовался популярностью у себя на родине и, покинув ее, успешно обратился к новой вере местного правителя Вишtasпу. Мы черпаем наши сведения о его учении и личности из Авесты — сборника гимнов, а также юридических и ритуальных предписаний различных времен.

Зороастр утверждал, что его избрал Ахурамазда проповедовать дуализм добра и зла. При этом человек был волен выбирать между ними. Зороастр проповедовал добромыслие, добрословие и добродетель. Пророк учил своих последователей воздерживаться от почитания культов дэвов, или демонов, от принесения в жертву скота и употребления *хаомы*. Имя пророка — Зороастр — означает «тот, кто ведет верблюдов».

Арийцы, о которых сообщалось в Авесте, вели осед-

лый образ жизни и занимались скотоводством и земледелием. Они высоко чтили скот и несколько меньше собак, лошадей, верблюдов; поклонялись огню, воде и считали загрязнение земли большим злом. Возможно дэвы были древними арийскими божествами. Там, где с таким почтением и благоговением относятся к скоту, считалось бы злом приносить его в жертву.

Зороастризм, иногда называемый маздеизмом, в сасанидский период стал государственной религией и продолжал оставаться религией народа еще в течение нескольких веков после того, как Иран был завоеван арабами, которые обратили большинство персов в ислам. Те, кто сохранил старую веру, переселились в Индию, где их стали называть парсами, а остальные продолжали в отдельных частях Ирана тайно исповедовать свою религию. В настоящее время зороастрийцы имеют сильные общины в Тегеране, Иезде и Кермане.

О зороастризме в ахеменидский период написано немало, но на многие вопросы о нем нет ответа, а может быть, на них и невозможно ответить. Например, исповедовал ли Дарий зороастризм? Наиболее убедительно доказательство этого предположения мы находим в сходстве утверждений в его надписях и учении Зороастра, где восхваляется правда и порицается ложь. Хотя ни в одной из надписей ахеменидских царей Зороастризм не упоминается, они все восхваляют Ахурамазду выше других богов. Можно предположить, что в царствование Дария не было организованной церкви с непрерываемой догмой и учение Зороастра, включая более поздние слои, наложилось на традиционную религиозную практику арийцев.

При Ахеменидах продолжали приносить в жертву животных. Геродот описывает массовые жертвоприношения в период царствования Ксеркса. По словам Геродота, этим обрядом руководили маги, переселившиеся на нагорье. От прочих иранских племен их отличало право выполнять жреческие функции.

Арийцы доахеменидского периода и иранцы времен персидской державы поклонялись огню. На высеченных рельефах царских гробниц изображены алтари огня с фигурой Ахурамазды, парящей над алтарем. На каменных печатях этого периода также изображены жертвенники; сохранились похожие каменные алтари около

Персеполя (хотя они, вероятно, относятся к гораздо более позднему времени).

В Бехистунской надписи встречается древнеперсидское слово *аядана*, означающее «святилище». Можно предположить, что два сходных башнеподобных сооружения — одно, плохо сохранившееся у Пасаргад, другое, так называемое *Кааба-и Зардушт* в Накш-и Рустаме — и были такими аядана.

По своей планировке и расположению они мало похожи на места, в которых горел вечный огонь. Отсюда можно заключить, что эти сооружения использовали для других целей. Было высказано предположение, правда, без приведения убедительных доказательств, что на террасе Персеполя находилась аядана. Мы не можем определенно решить, для чего служила аядана, однако нам известно, что священный огонь зажигали на высоких местах, где он был виден на большом расстоянии. Таким образом, возникает прототип обычая, существовавшего в период Сасанидов (Сасанидская династия правила Ираном с III по VII в. н. э.), разводить цепь остров на возвышенностях.

В ритуальных обрядах древних арийцев очень важную роль играла хаома. Полагают, что она приводила их в возбужденное состояние. О ней ничего определенного не известно, кроме того, что хаому получали, растерев ветки какого-то растения. Бельгийский исследователь Ж. Дюшен-Гильмен считает, что хаому получали из эфедры — растения, распространенного в Азии. Ветки его толкли в ступе. Получался алколоидный экстракт — эфедрин. В чистом виде алколоиды горьки на вкус. Это такие же тонизирующие вещества, как кофе, чай, табак и опиум. Когда хаому использовали во время обрядов, ее смешивали с молоком — возможно, для того, чтобы изменить вкус. Есть веские доказательства того, что хаому продолжали употреблять еще в ахеменидский период. На цилиндрических печатях того времени изображены алтарь, а также ступа и пестик, которыми пользовались для приготовления хаомы. На табличках, найденных в сокровищнице Персеполя, упоминаются жрецы, в чьи обязанности входило ее приготовление<sup>19</sup>. Там найдено также значительное количество ступок и пестиков, использовавшихся для этой же цели. Геродот утверждает, что персы принимали важные ре-

шения только в стадии опьянения. Вернее было бы сказать, под воздействием хаомы.

При раскопках в Персеполе была найдена трехязычная надпись Ксеркса, высеченная на трех сторонах камня. Она известна как Антидэвовская. Ксеркс перечисляет страны, в которых он царствовал, и затем заявляет: «И среди этих стран была [такая], где прежде дэвов почитали. Потом по воле Ахурамазды я этот притон дэвов разгромил и провозгласил: „Дэвов не почитай“. Там, где прежде поклонялись дэвам, там я совершил поклонение Ахурамазде вместе с Артой...»

Обычно полагают, что Ксеркс, согласно Антидэвовской надписи, выступал против почитания древнеарийских божеств. Но это покажется малоубедительным, если попытаться связать надпись с историческими событиями. В начале его царствования в Вавилоне произошло восстание, которое Ксеркс жестоко подавил. Город был разрушен, статую верховного бога вавилонян Мардука (18 футов высотой) увезли и расплавили. Таким образом было уничтожено святилище «демона», по «вине которого» произошло восстание.

## СООРУЖЕНИЯ В ПЕРСЕПОЛЕ

*Терраса*

Считают, что Дарий начал строить Персеполь примерно в 520 г. до н. э. Один из его предшественников, Кир II (Куруш), построил Пасаргады. Там, на местности, напоминающей парк, расположены ворота, небольшие дворцы, укрепленная терраса и гробница Кира. Дарий, как свидетельствует найденная надпись, продолжал строительство в этом же районе. Хотя некоторые архитектурные элементы Пасаргад нашли свое отражение и в Персеполе, строительство его было результатом более смелого замысла.

Клинописные таблички, найденные в Персеполе, свидетельствуют о том, что строительство велось в течение длительного времени. Одни из них датированы царствованием Дария, другие же относятся к первым семи годам правления Ксеркса. Затем наступает перерыв. Последующие таблички относятся уже к девятнадцатому году правления Ксеркса, а затем к пятому году царствования Артаксеркса I. Таким образом, строительство осуществлялось в течение двух продолжительных этапов.

Терраса Персеполя была воздвигнута на естественной скале и подымалась от подножия горы на высоту 5800 футов. По мере того как на террасе завершалась работа, ложбины и овраги заполнялись камнями. Их привозили сюда из близлежащих каменоломен. Использовали также те, которые оставались после выравнивания террасы. При этом тщательно учитывался естественный рельеф местности. На разной высоте были сооружены три различные площадки. Вдоль трех выступающих сторон террасы (одни протянулись с севера на юг на расстояние 1400 футов, а другие — от горы до



*Двуглавый лев*

равнины на 1000 футов) каменщики поместили огромные блоки известняка, чтобы создать массивную опорную стену. Теперь работы можно было продолжать на террасе, подымавшейся на высоту 50 футов, даже до завершения постройки опорной стены.

По краям террасы подымалась высокая, массивная стена из сырцового кирпича. Лучше всего сохранилась ее северо-восточная часть с башнями. Исследователи, изучающие это сооружение, не могут прийти к единому мнению, была ли вся терраса окружена стеной; если это так, то город не просматривался бы с равнины, и жителям она не видна была бы с террасы.

Неизвестному архитектору Дария I нужно отдать должное — до начала строительства им был мастерски разработан план застройки. Основное доказательство этого предположения состоит в том, что под землей были прорыты каналы для отвода воды, которая могла бы попасть на здания и саму террасу. Их направление соответствует расположению сооружений более позднего периода. Менее определенным доказательством существования предварительной планировки всей застройки можно считать находку известняковых ящиков с сереб-

данными и золотыми пластинками, которые были положены в углубленные места на террасе, до того как над ними воздвигли зал приемов Дария (*анадану*).

Каждое последующее сооружение сориентировано по одной оси в направлении с севера на юг. Или, если говорить точнее, с северо-запада на юго-восток. Во все последующие десятилетия терраса застраивалась так, что каждое новое сооружение воздвигалось рядом с уже выстроенным. Между зданиями оставались довольно узкие проходы и коридоры. С одного на другой уровень террасы можно было попасть по многочисленным лестницам.

Кирпичная кладка имеет в Персеполе свои отличительные черты. Можно подумать, что мастера работали скорее как скульпторы, а не каменотесы. Так, например, отсутствуют камни стандартного размера, а обрамления дверей и окон не делали из отдельных вертикальных и горизонтальных плит. Каменщики усложняли свою работу, стремясь «напрячь» каждый блок. Из карьеров, примыкающих к месту застройки, брали блоки двух типов: монолиты больших размеров и камни неправильной формы, которые, по-видимому, были кусками, оставшимися после удаления монолитов.

Каменные блоки добывались довольно эффективным способом. Металлическими инструментами выдалбливали глубокие ложбинки, в которые вгоняли деревянные клинья. Затем они смачивались водой, и, когда разбухали, камень откалывали от основания. Этот метод применялся не только для четырех боковых граней, но и для отделения нижней поверхности блока от смолы. Таким образом, в древней каменоломне видно, где «откусан» камень. А это был очень твердый известняк, содержащий битум; цвет его варьирует от серого до коричнево-черного. Еще до того как блок отделяли от основания, его начинали обрабатывать железными орудиями.

Для первичной обработки поверхности каждого блока пользовались молотками с заостренными наконечниками, зубилами. Капитель колонны оставалась в карьере почти до окончательного завершения обработки.

После того как каменные блоки перевозили на террасу, они подвергались окончательной отделке резцами

с плоскими и зубчатыми головками, а затем тщательно шлифовались напильниками и рашпилями. Рельефы по всей террасе свидетельствуют о том, что в Персеполсе применяли зубчатые резцы, которые были привезены сюда греческими каменотесами где-то между 520 и 515 гг. до н. э. Полагают, что зубчатый резец изобретен в Греции в середине VI в. до н. э. Каменщики, работавшие в Пасаргадах, им не пользовались.

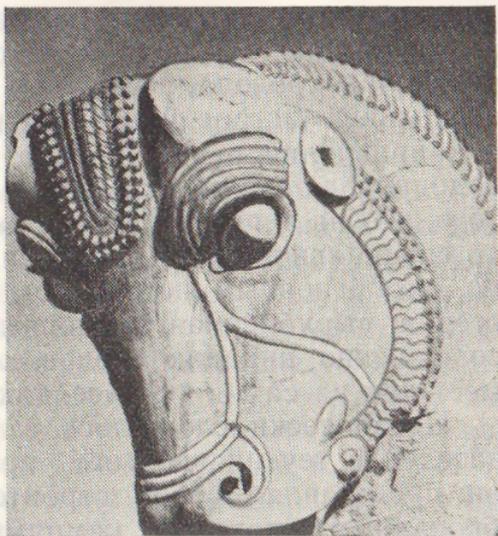
На законченных частях — базах, барабанах и других элементах колонн, до того как их устанавливали, каменщики вырезали разнообразные клейма, по которым можно было установить работу определенной группы ремесленников. Эти клейма никогда не ставились на видных местах, так как они были нужны лишь самому мастеру и тому, кто платил за работу.

Огромным блокам в 23 фута и 6 дюймов длиной и 6 футов 7 дюймов высотой, составляющим южную стену террасы, на которой сохранилась трехязычная надпись Дария, придали форму почти совершенного куба. Лишь одна сторона террасы обработана не совсем тщательно, так как должна была быть прикрыта скалой или кирпичной стеной. Одни монолиты были превращены в барабаны колонн, другим придавали форму на самом строительном участке. Это делалось для того, чтобы максимально использовать каждый блок. Так, например, из некоторых больших блоков делали не только ступени парадной лестницы, но и часть ограничивающего ее парапета.

Блоки неправильных размеров и форм составлялись один с другим почти так же, как отдельные детали мозаики. Это лучше всего видно на опорных стенах парадной лестницы: там почти нет сплошной горизонтальной кладки и сравнительно мало вертикальных углов. Вполне вероятно, что использовался следующий метод. У стенных блоков лицевая часть и основания тщательно отделялись. По мере того как каждый блок передвигали для установки в нужном положении, его необработанные края старательно отшлифовывались и подгонялись вплотную к прилегающим блокам. Такие края могли иметь углы и даже карманы, заполненные мелкими камешками. Отдельные места в стенах замазывали. Слабые и поврежденные участки в камне зачищались, и в них вставлялись пробки, иногда менее 2 дюймов в

диаметре. На линии возможных или имеющих трещин в камень вгоняли скобы.

На стенах террасы и постройках соединительные швы почти не видны — результат того, что блоки тщательно обрабатывались и прилегающие друг к другу камни скреплялись железными скобами, вставлявшимися в свинцовую основу. Это помогало укрепить стены и защитить их от разрушения временем, а также предохранить от землетрясений. В более поздние времена свинец и железо извлекли из камня для изготовления пуль и оружия.



*Голова быка (деталь капители)*

Работа на террасе не была закончена, так как в северо-западном углу находится выступающая каменная скала, которую так и не выровняли. Хотя большинство исследователей, писавших о Персеполе, считают, что равнина соединялась с террасой только одной монументальной лестницей, Эрих Шмидт утверждает, что в юго-западном углу располагались служебный вход и лестница. Монументальные ворота Ксеркса назывались «Воротами Всех стран». В табличках, найденных в сокровищнице, упоминаются также ворота под названием «Всеблагоденствие», и вполне можно предположить, что это был служебный вход на террасу, предназначенный для поваров, торговцев, слуг, охраны, рабов, а также для доставки скота, пива, вина, одежды, оружия и вообще всего, что было необходимо тем, кто здесь жил. В юго-западном углу, возможно, была еще и небольшая лестница, которая вела прямо в служебные помещения и кладовые. В северо-западном углу находились ворота и проход.

Как Персеполь обеспечивался водой для каждодневных нужд? Некоторые авторы, по-видимому, путают

дренажную систему (с ее подземными туннелями и каналами) с водопроводной. И сейчас еще можно видеть части водопровода, врезанные в склон горы на высоте нескольких метров над равниной, на север от террасы, в направлении реки Пульвар. Однако отдельные части водопровода не могут служить веским доказательством того, что на террасу регулярно подавалась вода из реки по специальной системе водоснабжения. Вполне возможно, что основным источником воды была большая цистерна, вырубленная в скале на небольшой высоте. Нет совершенно никаких следов канализации или отхожих мест как на самой террасе, так и в зданиях.

Исторически сложилось так, что Персеполь не был заселен в течение долгого времени. Сначала, конечно, он представлял собой строительную площадку с разбросанными повсюду камнями всех размеров. В тот период здесь жили лишь те, кто работал на этом месте. Позже строительство прекратилось, поскольку ресурсы империи истощились, да и внимание царей было отвлечено на ведение войн. В последующие века правители, по-видимому, редко жили в Персеполе — по домашней утвари не заметно, чтобы ею пользовались длительное время. Искусство и архитектура террасы представляют собой смешение многих стилей и влияний. Поражает способность персов к усвоению и созиданию, характеризующая и последующие периоды истории искусства.

Целый ряд исследователей пытались установить источники художественного стиля, а также характерные черты архитектуры Персеполя. Совершенно естественно, что объяснения различных влияний исследователи связывают с областью их собственных интересов. Так, один из них находит ионийские традиции в базах и стволах колонн; влияние Двуречья прослеживает в методах создания дворцов на искусственной террасе, стен, выложенных из сырцового кирпича, украшенных рельефными плитами и глазурованными плитками, а также ворот, охраняемых крылатыми быками. Он высказывает предположение, что изображение на крылатом диске Ахурamazды с бородой — типичное свидетельство заимствования, так как точно так же изображен в ассирийских дворцах бог Ашшур. В нижней части капителей колонн он видит египетское влияние и черты культуры Восточного Средиземноморья. Этот исследователь придержи-

пается также теории, согласно которой в Персеполе работали греческие скульпторы. Совсем недавно вновь привлекли на свет теорию о том, что государство Урарту оказало определяющее влияние на искусство и архитектуру ахеменидского периода.

Из Урарту, как полагают, были заимствованы система циклопической каменной кладки террас, встречающаяся в Иране в Масджид-и Сулайман, Пасаргадах и Персеполе, а также сама идея их создания. Урартскому же влиянию приписывают планировку ападаны, зубчатое завершение стен и капители с изображением животных.

Государство Урарту, расположенное у озера Ван, достигло своего расцвета в 750 г. до н. э. Оно было завоевано и разграблено ассирийским царем Саргоном II (722—705) и, вероятно, племенами, двигавшимися с севера и опустошавшими страну<sup>40</sup>. Поскольку существует значительный разрыв во времени между периодом подъема Персеполя и Урарту, то влияние последнего на Персеполь представляется маловероятным.

Хотя сохранилось немного сооружений мидийского периода, считают, что они оказали сильное воздействие на архитектуру ахеменидского периода. Это предположение, несомненно, нуждается в проверке, ибо новые раскопки в Иране дали нам возможность ознакомиться с поселениями мидийцев. Их здания больше напоминают постройки Кира в Пасаргадах.

На террасу можно попасть по двум монументальным лестницам, имеющим противоположное направление. Каждая из них состоит из двух пролетов и насчитывает 111 ступеней. Посетители этих мест давно заметили, что ступеньки настолько широки и низки, что по ним легко можно было взбираться на лошадях. Ширина лестницы 23 фута, ширина ступеней 12 дюймов, высота 4 дюйма. Пять таких ступеней и боковой парапет высекли из одного куска камня размером 23×5×2 фута. Сохранившиеся части парапета увенчаны зубцами, которые повторяются в Персеполе и в других сооружениях.

Во времена Дария I были сооружены сама терраса, монументальная лестница, Тройной портал и дворец царя. К этому же периоду относятся первые два этапа строительства сокровищницы и начало — ападаны. Ксеркс завершил ападану, построил «Ворота Всех стран», свой собственный дворец и так называемый га-



*Скульптура сторожевого пса*

рем, а также начал сооружение Тронного зала. В царствование Артаксеркса I было завершено строительство этого зала и начаты работы на незавершенном портике перед ним. Сейчас трудно прийти к какому-нибудь определенному выводу относительно того, строил ли он дворец лично для себя.

Описание Персеполя начинается обычно с входных ворот. Затем идут залы с колоннами, дворцы царей и, наконец, постройки, предназначенные для других функций.

### *«Ворота Всех стран»*

Сразу же за монументальной лестницей вы оказываетесь перед довольно хорошо сохранившимися воротами, именуемыми в текстах «Ворота Всех стран» (на плане обозначены буквой В). Прямо против лестницы расположены огромные фигуры крылатых быков. Их туловища выдаются вперед на фоне массивных каменных плит. Такого же типа скульптуры украшают противоположную сторону, где над четырьмя быками можно прочесть одинаковые трехязычные надписи в двадцать четыре строки. Они гласят: «Я — Ксеркс, великий царь, царь царей, царь многих стран, царь всей земли, простирающейся вдаль и вширь. По воле Ахурамазды я сделал эти „Ворота Всех стран“. Я и мой отец построили в этом [городе] Парсе [и] много других прекрасных [зданий]. Все прекрасное, что построено [здесь], все это мы совершили по воле Ахурамазды».

Были также надписи, относящиеся к более позднему времени. В 1818 г. Кер Портер писал: «К сожалению, на обеих сторонах я обнаружил массу инициалов, имен



*Вход в «Ворота Всех стран»*

и дат, сделанных посетителями, которые нанесли большой ущерб поверхности камня».

Это сооружение представляет собой зал в 82 кв. фута, крыша его первоначально опиралась на четыре колонны. Вдоль стен расположены каменные скамьи, по-видимому, для тех, кто охранял зал и кто здесь дожидался приема. Огромные фигуры в восточной части отличаются от западных: головы последних скорее напоминают человеческие, чем бычьи. Черты этих четырех фигур повреждены фанатиками во времена ислама, которые изображение живого существа считали запретным. Длинные, окладистые бороды фигур, короны и слегка приподнятые вверх крылья говорят о близости их к ассирийским традициям. Так, фигуры, расположенные на восточной стороне здания, удивительно напоми-



*Лестница на террасу (у «Ворот Всех стран»)*

нают крылатых быков с человеческими головами из дворца царя Саргона (722—705) в Хорсабаде, находящихся сейчас в Музее восточного института Чикагского университета.

Ворота на южной и восточной стороне зала спланированы так, чтобы дать доступ в ападану и Тронный зал. Они доходили, по всей вероятности, до 40 футов в высоту и были обшиты металлом. Возможно, открывалась только нижняя часть ворот, подобно тому как маленькие двери в соборах вставляют в большие.

К северу от ворот обнаженная порода оставлена в естественном виде. Она не выровнена здесь подобно остальной части террасы. Видны лишь три камня, по которым можно проследить мощеную дорогу (она шла когда-то от входных ворот). Плоский камень в центре обрамлен по обе стороны бортиком в форме буквы L. Возможно, что прямо от него шли вверх стенки из сырцового кирпича, окаймляющие дорогу. В этом районе уровень обнаженной породы находится на той же высоте, что и верхушка каменного карьера в северной части, откуда, вероятно, грубо обработанные камни поступали на стройку, туда, где они должны были быть использованы. Здесь сохранился большой барабан колонны с трещиной; ее пытались стянуть скобами, вбитыми

поперек трещины, но затем, по-видимому, оставили на месте, так как возникли сомнения относительно ее прочности.

### *Ападана*

Развалины ападаны лежат к югу от ворот. Они подняты на выступе скалы на высоту 8 футов 6 дюймов над уровнем «Ворот Всех стран». Ападана, видимо, строилась в течение тридцати лет, о чем свидетельствуют глазурованные кирпичи с титулатурой Ксеркса, найденные при раскопках. Большое впечатление производят ряды высоких колонн. Привлекают также внимание две лестницы: одна на севере зала и другая на востоке. Поскольку северная лестница никогда не была полностью насыпана мусором и пылью, ее разграбили туристы и кладоискатели. Некоторые камни попали отсюда в музеи и частные коллекции. Что же касается восточной лестницы, погребенной под землей еще до раскопок 1932 г., то она сохранилась гораздо лучше.

Лица у фигур на северной лестнице сильно изуродованы последующими поколениями мусульман. Кер Портер красноречиво описал эти разрушения: «...Лицо полностью отсутствует, осталась только борода... одежда этого человека и пятерых, следующих за ним, совершенно одинакова, и все в большей или меньшей степени испытало эту процедуру обезглавливания».

Подобные разрушения встречаются повсюду на террасе, причем это относится не только к изображениям людей, но и животных.

На лестнице можно увидеть фигуры представителей различных сатрапий империи, приносящих дань великому царю. Число групп представителей каждого народа на всех фасадах одинаково. Изображены они так, словно на них смотрят с противоположной стороны, и следуют данники друг за другом между двумя рядами охраны; охранники из одного ряда смотрят на них с одной стороны, а охранники другого — с другой.

Сначала во время царствования Дария I была построена северная лестница. Однако ни на одной из специально приготовленных панелей никаких надписей нет. Центральная панель пуста, точно так же как и восточная, в то время как на западной Ксерксом сделана над-

лись, из которой следует, что все построенное здесь и в других местах совершенно по воле Ахурамазды.

Эта надпись известна в науке под шифром *ХРв*. Все сколько-нибудь существенные ахеменидские надписи на древнеперсидском языке даны в транскрипции и переводе в труде Р. Г. Кента. Древнеперсидский язык. Нью-Хейвен, 1950.

Они обозначены именем царя, местом находки и соответствующим номером. Таким образом, *ХРв* означает: Ксеркс, Персеполь, надпись *в*.

Центральная панель восточной лестницы тоже пуста. На южной есть надпись с текстом, почти идентичным уже упомянутому. Панель же на северном конце содержит эламские и аккадские варианты древнеперсидской надписи. Трудно объяснить, почему расположенные на видном месте центральные панели обеих лестниц остались без надписей.

Северная и восточная лестницы имеют центральную часть со ступеньками, примыкающими к длинному фасаду, на котором изображена процессия, связанная с празднованием Нового года. Видно, что она уже поднялась по парадной входной лестнице, прошла через «Ворота Всех стран» и оказалась на открытом месте перед ападаной, зажатая между двумя рядами стражи.

Фасады с рельефами ападаны состоят из монолитных глыб различной длины, иногда достигающих 12 футов. На восточном фасаде лестницы эти плиты расположены прямо над скальной породой террасы. Они включают два нижних регистра с группами данников и почти половину верхнего регистра. Вторая, более высокая группа плит включает верхушку верхнего регистра и ступенчатое завершение стены. При этом их вертикальные швы не образуют единой линии с плитами у основания.

Как уже было сказано выше, в карьерах добывались и использовались камни максимальных размеров. Вырубались стандартные плиты, причем швы располагали горизонтально в соответствии с общим планом, то есть наверху второго ряда. Панели, предназначенные для изображений и надписей, представляли собой отдельные каменные плиты. При таком приеме швы подгонялись настолько точно, что их не было видно на окончательно завершеном фасаде. Совершенно очевидно, что плиты устанавливались только тогда, когда горизонтальная

(верхняя и нижняя) и вертикальная (боковая) облицовки были совершенно закончены и лишь лицевая грань оставалась не обработанной до конца.

Ступенчатые завершения стены, выступающие на несколько дюймов по сравнению с законченным верхним регистром, свидетельствуют о том, что обработка лицевых граней заканчивалась на месте.

Центральный марш восточной лестницы не был закончен. Остались невысеченными розетки, связывающие рамы, и часть рельефа, который должен был идти ниже ступенчатого завершения стены. На террасе все время попадаются незавершенные места — вполне возможно, что ответственные за эту работу надсмотрщики недостаточно добросовестно отнеслись к своим обязанностям.

Ахеменидские надписи, перечисляющие сатрапии, а также изображение на рельефах фигур, одетых в одинаковую одежду и поддерживающих царский трон, являются теми источниками, на основании которых сделана попытка выяснить названия сатрапий, к которым относятся эти двадцать три группы данников.

В Бехистунской надписи Дария I, равно как и в его надписи на южной опорной стене Персеполя (*DPe*), перечислены двадцать три страны; в надписи же Дария в Сузах (*DSe*) — двадцать девять стран, а Ксеркса в Персеполе (*XPh*) — тридцать одна.

На гробнице Дария в Накш-и Рустаме изображены тридцать человек (с указанием племенной принадлежности), поддерживающих трон. На гробнице, приписываемой Артаксерксу II, в коротких трехязычных надписях, относящихся к каждому лицу, все фигуры, поддерживающие трон, обозначены по названию стран.

Другим важным источником, позволяющим определить сатрапии, является «История» Геродота, которая в одном месте называет двадцать сатрапий Дария, а в другом перечисляет и дает описания костюмов и оружия тридцати восьми народностей, представители которых входили в состав армии Ксеркса. Р. Д. Барнетт сравнил одежду и снаряжение фигур, изображенных на лестнице Персеполя, с подобными же фигурами на предметах искусства, совпадающих по времени, но относящихся к другим областям. Рельефы на фронтонах были, вероятно, выполнены либо между 510 и 500 гг., либо вскоре после 500 г. до н. э.

Хотя на панелях обеих лестниц есть надписи Ксеркса, в текстах не упоминается сама ападана. Возможно, сначала завершили ее постройку, а затем перешли к северной лестнице и, наконец, при Ксерксе построили восточную. Эти предположения основаны на следующих доказательствах. В 1967 г. позади фасада восточной лестницы были выкопаны рвы для бетонных подпорок, с тем чтобы предохранить рельефы от влаги. Тогда и обнаружилось, что под полом ападаны находится основательная каменная кладка, которая фиксировала восточную сторону ападаны в том виде, как она была завершена при Дарии I. Восточную лестницу, по-видимому, достроили позже. Возможно, что все это было сделано Ксерксом. Сравнение изображений сходных групп на двух лестницах ясно показывает, что на восточной фигуры выполнены более искусно, чем на северной; есть также различие в расстоянии между фигурами и их количестве.

Ни в одной из надписей это здание не называется ападаной. Предполагается, что его прототипом была ападана Дария I в Сузах, хотя отсутствие ее датировки не позволяет это доказать. Дарий I построил ападану в Сузах рядом с другим своим дворцом (*хадши*), сгоревшим в царствование Артаксеркса I и заново отстроенным Артаксерксом II. Точнее было бы, наверное, назвать здесь ападану «колонным залом». Такой вывод можно сделать исходя из упоминания текстов *i-ia-an* и *hi-ia-an-na* двух табличек сокровищницы, датированных временем Дария I.

Планировка и отдельные детали сооружений в Сузах и Персеполе очень похожи. В каждом имелся большой зал с тридцатью шестью колоннами и портиками. Колонны опирались на колоколовидные базы и поддерживали капители, увенчанные изображениями в виде двух протом быков над вертикальными волютами<sup>21</sup>. В Персеполе в виде эксперимента были выполнены и капители колонн, увенчанные двойными изображениями орлов и львов (по крайней мере в одном портике).

Площадь большого зала ападаны в Персеполе составляет 197 кв. футов, а колонны с капителями поднимаются на высоту 65 футов. Всего их, включая колонны портиков, было семьдесят две. В 1621 г. Пьетро делла Валле описал двадцать пять стоящих колонн, в то

время как в 1828 г. обнаружили только тринадцать — количество, сохранившееся по сей день.

Во время раскопок в северо-восточном и юго-восточном углах зала под стенами были найдены два каменных ящика. В каждом находилось по одной золотой и серебряной пластинке с трехязычными надписями Дария, которые содержат указания на размеры его царства. В них сказано: «Вот царство, которым я владею: от Скифии, которая по ту сторону Согдианы, — до Куш, от Индии — до Лидии [царство], которое даровал мне Ахурамазда, величайший из богов».

Зал мог вместить до десяти тысяч человек, но он не был спланирован таким образом, чтобы все присутствующие имели возможность видеть царя на троне во всем его великолепии. Хотя высокие колонны и были относительно тонкими, их поставили так много, что они существенно мешали обзору и даже загораживали трон, который видели лишь те, кто стоял в центральном проходе и в правом углу от трона.

Возможно, такая планировка, при которой царя нельзя было видеть отовсюду, преднамеренна. В таком случае вся архитектура зала прекрасно служит этой цели. Поскольку через порталы внутрь дворца проникало очень мало света, освещение обеспечивалось зажженными факелами.

Высказывалось предположение, что стены центрального зала поднимались выше крыши портиков и были снабжены окнами, освещавшими внутреннюю часть зала сверху. Однако это маловероятно, так как встроенные в стены из сырцового кирпича многочисленные окна поставили бы под угрозу прочность стен, на которые опирались все перекрытия. Колонны зала и портиков имели равный диаметр и высоту, что позволяет предположить и одинаковую высоту крыш. Возможно, свет проникал через стеклянные шары, встроенные в крышу, как это принято и в современном строительстве в Иране.

В других зданиях на террасе использовалась одинаковая строительная техника как при возведении стен и крыш, так и при сооружении центрального зала.

Первый этап строительства заключался в том, что на колоколовидные базы со стилизованным листовидным орнаментом устанавливались колонны, которые увенчи-

вали огромные капители. Стволы колонн имели от сорока до сорока восьми каннелюр. В верхней части ствола самым нижним элементом композитной капители было кольцо ниспадающих цветочных чашечек. Выше находился венчающий мотив, напоминающий пальмовидные капители Египта: каждый сегмент был декорирован вытесанным цветком папируса. Затем шла удлиненная часть капители с парой вертикальных двойных волют и, наконец, импост с двойными протомами животных.

Для того чтобы поднять колонны и установить на них капители, применяли, по-видимому, земляные скаты, леса и высокие деревянные рамы с веревками и блоками. Когда колонны и капители устанавливались на место, скаты и леса убирали. Затем ставили обрамления окон и порталов и перемычки из обработанного камня; при этом внешние его стороны и поверхности шлифовались грубо. Образовавшиеся конструкции заполняли кладкой из сырцового кирпича толщиной более 17 футов.

Вполне возможно, что при кладке стен каменщики использовали метод, который распространен в современном Иране. Они стояли на стене, которая поднималась под ними, по мере того как укладывался кирпич. В табличках сокровищницы упоминаются носильщики, доставлявшие на строительную площадку кирпичи и полужидкий глиняный раствор. Вероятно, кирпичи перебрасывали с одного уровня на другой из рук в руки, пока они не достигали тех каменщиков, которые укладывали их на слой раствора.

Когда стены достигали высоты капителей колонн, их равномерно покрывали обожженным кирпичом или обожженными плитками, чтобы создать ровную опорную поверхность. Затем на стены канатами подтягивали огромные квадратные балки перекрытий. Их длина неизвестна, но установить расстояния, необходимые для того, чтобы покрыть зал минимальным количеством балок определенного размера, нетрудно. Сначала балка длиной примерно 64 фута устанавливалась так, что один конец от стены проходил через опору первой капители и ставился в таком положении, при котором он оказывался на полпути к середине следующей капители. Поскольку другой конец покоился на половине стены, одна

балка перекрывала два из семи проходов зала. Сначала устанавливали первые шесть балок, а затем остальные шесть на противоположной стороне зала. В результате оставались три центральных прохода, которые можно было перекрыть шестью длинными (каждая в 84 фута длиной) или двенадцатью более короткими балками.

На решетку, образованную основными балками перекрытия, клали поперечные, более легкие балки, которые скреплялись с нижними деревянными колышками. Об использовании кедровых балок для создания основной и вторичной поперечной решетки упоминает Библия (1 Книга царств, VII, § 2—4), где в многочисленных стихах описывается «дом из дерева Ливанского», построенный Соломоном.

На поперечную решетку помещали небольшие планки или шесты, затем соломенные маты и, наконец, слой крупного песка, смешанного с землей. Такая поверхность, если ее вовремя ремонтировали, была водонепроницаемой. Возможно, использовались катки (что делают и в настоящее время), для того чтобы периодически спрессовывать свежие слои песка и земли. Дождевая вода (снег довольно редко выпадает в Персеполе) либо отводилась по дренажным трубам, встроенным в стены и соединенным с проложенными в земле каналами, либо поступала в фонтаны, бившие с такой силой, что падающая вода не разбрызгивалась по стенам.

Наружные и внутренние поверхности стен сырцової кладки были богато декорированы. В Сузах некоторые наружные стены выкладывали глазурованным кирпичом. Многочисленные кусочки подобных кирпичей, найденные перед ападаной, были собраны в панель, которая хранится сейчас в Археологическом музее Тегерана. Различные фрагменты, обнаруженные при раскопках, позволяют предположить, что внутренние стены у оснований были покрыты простой штукатуркой (толщиной 2 дюйма), а сверху серо-зеленой. Вероятно, на уровне цоколя нижние стены декорировались цветными украшениями, а сами стены — драпировками. В Книге Эсфирь упоминается праздник в царском дворце в Сузах: «Белые бумажные и яхонтового цвета шерстяные ткани, прикрепленные виссонными и пурпурными шнурами, висели на серебряных кольцах и мраморных столбах»

(Библия I, § 6, стр. 492). В этом же отрывке упоминается: «Золотые и серебряные лежа *были* на помосте, устланном камнями зеленого цвета, и мрамором, и перламутром, и камнями черного цвета» (Библия I, § 7, стр. 492). Однако никаких фрагментов мраморных полов в ападане не найдено, а пол покрыт серо-зеленой штукатуркой. (В так называемом гареме пол был красного цвета.)

Согласно надписи Артаксеркса II, дворец Дария в Сузах сгорел. Огонь, по-видимому, представлял большую опасность для Персеполя, поскольку драпировки и деревянные крыши легко воспламенялись. Решетки перекрытий, несомненно, были декорированы росписью и резьбой, хотя такие украшения едва ли видны с пола в слабо освещенном зале.

Двустворчатые двери порталов не закреплялись на петлях. Вместо этого в боковое ребро каждой дверной створки, которая смыкалась с каменным косяком, вставлялся вертикальный круглый столбик; он свободно поворачивался в каменном гнезде. Деревянные двери обшивались тонкими листами бронзы и драгоценными металлами с рельефными узорами. Фрагменты таких листов были найдены во время раскопок.

Ападана предназначалась для того, чтобы удобнее было следить за всем происходящим в районе западного портика. Недавно было высказано мнение, что в стене по краю террасы оставлено отверстие, так что царь, сидя на переносном троне, мог видеть раскинувшуюся внизу равнину. Ниже мы подробнее остановимся на этой проблеме.

### *Тронный зал*

Тронный зал (на плане К) долго называли залом «Ста колонн». Из восточного портала «Ворот Всех стран» процессия шествовала по дороге между стен из сырцового кирпича. Вдоль дороги стояли фигуры, на что указывает незаконченное изображение собаки, сидящей на задних лапах, которое было найдено в этом районе и находится сейчас в Персепольском музее. Точно такая же, но законченная скульптура хранится в Археологическом музее в Тегеране.



*Тронный зал*

Дорога проходила через незаконченные ворота и поворачивала, переходя в коридоры, выходящие в служебные помещения. У этих ворот, начатых Артаксерксом I и, возможно, так и недостроенных, располагался центральный квадратный зал с четырьмя колоннами и длинными узкими комнатами с западной и восточной сторон. Южный вход вел в большой открытый двор перед Тронным залом. С восточной и западной сторон этот двор огораживали стены из сырцового кирпича и другие постройки.

Фасад Тронного зала представлял собой центральный портик с двумя рядами колонн, по восемь в каждом. Колонны фланкированы антами с фигурами огромных быков. Во время раскопок были найдены большие куски этих скульптур, которые сейчас восстанавливаются. Площадь самого зала 225 кв. футов, крыша покоилась на десяти рядах колонн (по десять в каждом). Они были тоньше, чем в ападане, и поднимались на высоту 37 футов (высота колонн в ападане больше). Каждая из четырех сторон зала имела два портала, между которыми располагались каменные ниши. Так

же как и в ападане, пространства между каменными элементами заполняли сырцово́й массой, которая входила и в состав верхних стен. Согласно записи, сделанной при закладке фундамента, строительство было начато при Ксерксе и завершено Артаксерксом I.

На дверных притолоках порталов, на северной и южной сторонах зала, изображен под крылатым диском Артаксеркс I, восседающий на троне под балдахином. Он принимает высокопоставленных сановников, позади стоят чиновники.

На северных порталах изображены пять рядов стражи, на южных — трон царя поддерживают представители двадцати восьми сатрапий.

На этих рельефах, а также на рельефах других сооружений, где царь изображен сидящим на троне, ножки последнего слегка возвышаются над уровнем, на котором находится самая нижняя линия с опорными фигурами. То, что трон приподнят над землей, еще более очевидно прослеживается на рельефах царской гробницы. Значение подобного изображения царя совершенно ясно: во время важных церемоний его приносили на троне из личных покоев на место, где происходили аудиенции и приемы. На боковых порталах видна фигура Ахурамазды, парящая над царем, однако изображения Анахиты и Митры отсутствуют. На дверных притолоках восточного и западного порталов царь изображен с коротким мечом, пронзающим быка, льва, крылатого льва с птичьими когтями и чудовища с головой льва и хвостом скорпиона, — плод бредовых сновидений после злоупотребления хаомой.

В отличие от ападаны, где величественные портики расположены на трех сторонах большого зала, в Тронном был только северный портик, а порталы на других трех сторонах его выходили в узкие боковые коридоры. Эрих Шмидт, проводивший здесь раскопки, назвал зал Тронным, основываясь на рельефах, изображающих восседающего на троне царя, и высказал предположение, что этот зал был также предназначен для обозрения выставленных около трона наиболее ценных из царских сокровищ. Это предположение не было подтверждено, но вполне логично считать, что Тронный зал не служил для тех же целей, что и ападана. Согласно другой теории, предложенной Андрэ Годаром, бывшим начальни-

ком Археологической службы в Иране, это сооружение представляло собой торжественный зал или зал для сбора персидской армии. Он отмечает, что на рельефах трон царя поддерживают пять рядов воинов, представителей армии, и как раз к востоку от зала был расквартирован военный гарнизон Персеполя. Таким образом, согласно Годару, в этом зале ежегодно, если не чаще, собирались знаменитые «бессмертные». Однако эта теория также не подтверждена фактами и не соответствует представлению о Персеполе как о месте новогодних празднеств.

### Дворец Дария

Самая южная часть ападаны, соответствовавшая по размеру открытым портикам на трех других сторонах зала, подразделялась на ряд комнат, напоминавших лабиринт. Из этой части был проход во дворец Дария, расположенный на самом высоком уровне террасы. Однако поскольку он повернут фасадом к югу, то можно было либо выйти на пустую заднюю стену, либо повернуть за угол на лестницу на западной стороне, либо дойти до самого южного фасада.

Все, кто писал о Персеполе, называют дворец Дария (на плане I) *тачара*. Точно так же он называется в надписях Дария на стенах. Высказывалось предположение, что *тачара* — это личный дворец, маленький «парадиз» царя. Ксеркс же, по-видимому, называл весь дворец словом *хадииш*.

Если стоять лицом к южному фасаду, то цоколь дворца напоминает центральные, выступающие элементы лестниц ападаны. Точно такие же изображения стоящих в ряд стражников помещены перед центральной панелью, а по углам мы видим схватку между львом и быком. Есть здесь, однако, и новый элемент: на боковых стенах лестниц изображены фигуры слуг, несущих еду во дворец.

По обеим сторонам портика (с двумя рядами по четыре колонны в каждом) находились две высокие монолитные колонны (одна из них упала). Обнаруженные возле верхней части колонн углубления, несомненно, предназначались для балок, перекрывающих портик. По всем трем сторонам портика расположены окна,

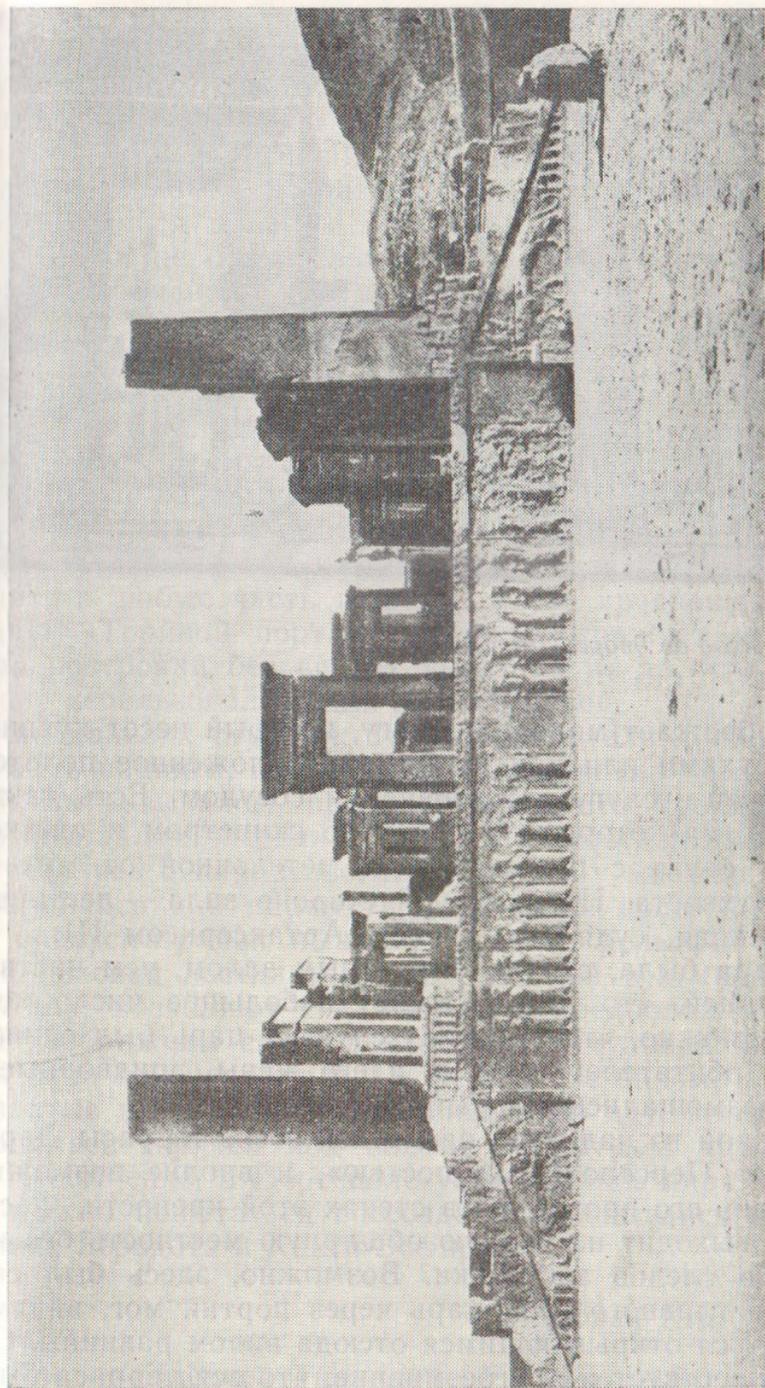
перемежающиеся со слепыми нишами. На дверных косяках порталов, выходящих в маленькие комнаты, высечены фигуры стражников.

Из центральной двери портика можно было пройти в главный зал дворца. На его дверных косяках изображены фигуры. На одной — царя, над которым слуга держит зонт. На другой — фигура, на складках одежды которой некогда было высечено имя Дария на трех языках. Эту надпись, аккуратно вырезанную, переправили в Национальную библиотеку Парижа. На противоположной дверной притолоке к изображениям было добавлено имя Ксеркса на древнеперсидском и эламском языках.

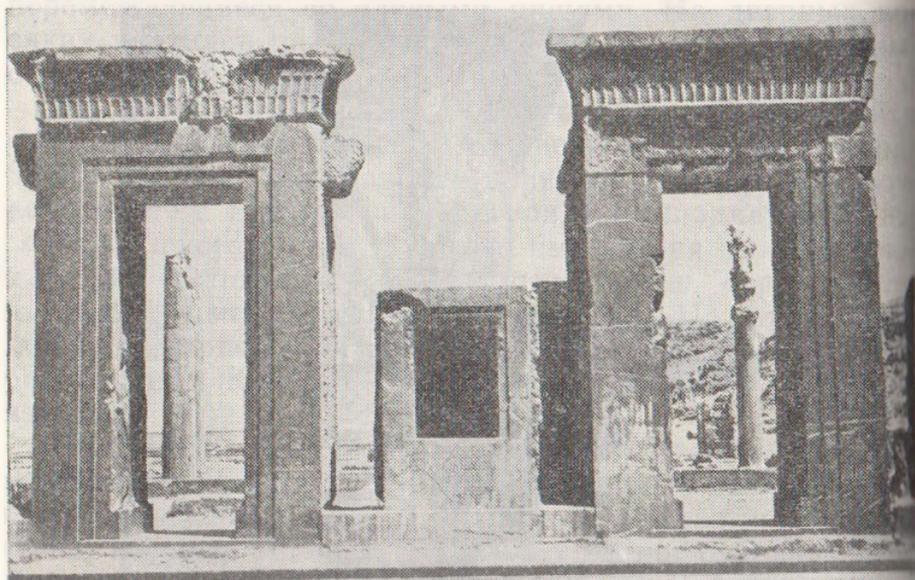
Считается, что строительство этого дворца заканчивал Ксеркс. Действительно, по его приказу сделаны надписи, высеченные на монолитных колоннах на южной стене, которые говорят о том, что хадиш был построен Дарием. Далее Ксеркс просит защиты у Ахурамазды: «что мною сделано, и того, что сделано отцом моим Дарием, царем».

В главном зале дворца сохранились цоколи, на которых покоились три ряда колонн, по четыре в каждом. Три портала ведут в комнаты. На восточной дверной притолоке изображен царь, закалывающий поднявшегося на задние лапы льва, а на двух западных дверях — побеждающий сказочного зверя. На карнизах окон и нишах зала имеются надписи на древнеперсидском языке, повторяющие восемнадцать раз одинаковый текст: «каменные оконные рамы, изготовленные в доме царя Дария». Все каменные поверхности здесь настолько гладко отполированы, что этот зал справедливо называют Зеркальным. Гладкая поверхность стен, поднимающихся над землей, вызвала восхищение прибывавших сюда впоследствии посетителей, которые оставляли на них надписи на пехлеви, арабском и персидском языках. Среди лепных украшений дворца следует упомянуть свод и карнизы над дверьми, по стилю очень напоминающие египетские. Возможно, именно здесь работали египетские мастера, привезенные, для того чтобы «высекать надписи».

К северу от главного зала две двери вели в дополнительные покои. Характер рельефов на дверных притолоках говорит об их интимном назначении. Один из



Дворец Дария I



*Главный вход во дворец Дария I*

них изображает молодого слугу, который несет кувшинчик с духами или притираниями и сложенное полотенце; другой — слугу с жаровней и сосудом. Есть также рельефы, на которых за царем со скипетром и цветком следует слуга с полотенцем и метелочкой от мух из бычьего хвоста. На западной стороне зала — лестница, сооруженная, судя по надписи, Артаксерксом III.

Тачара была, скорее, банкетным залом, чем частной резиденцией, что подтверждает небольшое число комнат. Возможно, что в особых случаях царь был единственным обитателем дворца, а его жены, придворные и слуги размещались в других местах.

В одной из надписей на южной стене террасы Дарий называет Персеполь «крепостью», и вполне возможно, что жизнь его проходила в стенах этой крепости. Фасад тачары выходит на ровную обширную местность без каких-либо следов застройки. Возможно, здесь был сад. Из окон главного зала царь через портик мог, видимо, любоваться открывающимся отсюда видом равнины. Однако существует и другое мнение, что вся терраса была огорожена очень высокой стеной из сырцового кирпича. Найдены даже части этой стены. Приверженцы этой

точки зрения искали в стене бойницы или, скорее, брешю и нашли одну такую брешь к югу от тачары. Через другую брешь, примыкающую к западному портику ападаны, около парадной лестницы, царь мог бы обозревать равнину и расположенное за ней селение. Можно было бы, впрочем, возразить, что наслаждение красотой изменяющейся природы присуще больше современному человеку и не обязательно было свойственно людям в древние времена.

### *Тройной портал*

Несколько южнее ападаны расположено сооружение, к которому легко попасть с восточной лестницы. Его назначение до сих пор не известно. Называли это помещение по-разному: Зал совещаний, Центральный зал, Тройной портал (на плане Е) и в последнем варианте — Царские ворота, так как царь мог отсюда легко переходить в любую часть террасы. Автор предпочитает название «Тройной портал», которое отражает основной план постройки без всяких указаний на то, что сооружение использовалось для личных целей.

На панелях ступенек Тройного портала должны были быть надписи, но площадь их оставлена незаполненной. Высказывалось предположение, что Тройной портал был залом заседаний, где высокопоставленные лица встречались с царем. Согласно другому мнению, он использовался для пиршеств. Хотя план постройки вряд ли предусматривал пышные трапезы, рельефы небольшой боковой лестницы, расположенной в южной части портала, позволяют сделать такое предположение. На ней изображены слуги в кафтанах и туниках, несущие для пира ягненка, козленка, бурдюки с вином, напитки, разлитые в бокалы, и приготовленную еду, которая сохранялась горячей под плотно закрытыми крышками.

Несомненно, в Персеполе устраивались пиршества, и их можно попытаться воссоздать, основываясь на описаниях Геродота и Книги Эсфиры.

### *Дворец Ксеркса*

Дворец Ксеркса (на плане F) находится к югу от Тройного портала и тачары Дария. Он был сооружен на самом высоком месте террасы. Это значительно рас-



*Тройной портал (один из фрагментов лестниц)*

ширенный вариант дворца Дария. Например, в его центральном зале имеется шесть рядов колонн по шесть в каждом, а не многочисленные ряды из четырех колонн, как в тачаре Дария.

Однако сохранился он гораздо хуже. Как и можно было ожидать, детали и фрагменты росписи дворца весьма напоминают более ранние, например изображение царя, восседающего под зонтом. Примерно те же, что и во дворце Дария, сведения повторяются в ряде трехязычных надписей. В каждой из них Ксеркс напоминает о своем родстве с Дарием и откровенно заявляет, что «по милости Ахурамазды я построил этот дворец».



*Тройной портал (один из фрагментов лестниц)*

Трудно, однако, понять, почему на плитах лестницы не найдены подобных упоминаний о родственных связях Ксеркса и Дария нет.

Внутренняя поверхность оконных рам украшена рельефами, изображающими служителей, несущих еду и ведущих козлят. Рельефы на дверных притоках порталов, ведущих из главного зала в комнаты, очень напоминают по своему характеру рельефы тачары Дария: служители несут курильницы с ладаном, посуду и полотенце.

Поскольку, как уже было сказано, дворец расположен на самом высоком уровне террасы, он оказался более подвержен разрушительным силам стихии и более доступен грабителям. Кроме того, он не представ-

ляет ничего существенно отличного по архитектуре и украшениям от других сооружений. Поэтому мы не будем далее останавливаться на нем внимание читателей.

### *Другие сооружения*

Вблизи дворцов Дария и Ксеркса находятся еще три постройки, обычно обозначаемые на плане буквами *D*, *G* и *H*. Они либо очень разрушены, либо не раскопаны археологами.

Постройка *D* не представляет большого археологического интереса. Ее камни, вероятно, часто переносили на другие места. Портик постройки был обращен к северу и выходил на открытый двор, на противоположной стороне которого располагался Тройной портал. С западной стороны портик и ступеньки вели во двор перед дворцом Ксеркса. Один из исследователей безо всяких оснований утверждает, что это здание служило банкетным залом для военных начальников.

От постройки *G* осталась сейчас лишь куча земли и осколков камня. Существует даже мнение, что на этом месте никогда не было здания и сюда лишь свозили строительный мусор. Согласно другому предположению, на этом месте был открытый храм с двумя или тремя террасами, расположенными друг над другом и возвышающимися над крышами соседних зданий. Позднее, согласно этой точке зрения, фасады террас рухнули, и мусор был убран во времена Дария III. Ни одна из этих теорий не кажется нам убедительной. На стороне холма, обращенной к ападане, видны нижние части лестничного пролета, а также вертикальный срез лицевой поверхности необработанного камня. Непонятно, почему археологов, производивших здесь раскопки, не заинтересовал этот холм. Еще в 1891 г. У. Х. Бланделл заложил на этом холме шурфы, так как считал, что это самое многообещающее место для раскопок на всей террасе.

К востоку от дворца Ксеркса лежит постройка *H*. Первоначально считали, что это дворец Артаксеркса III. Позднее археологи решили, что это здание построено из камней, расхищенных из других построек террасы, и, видимо, не закончено. Дворец в отличие от всех других зданий на террасе спланирован асимметрично. Поэтому

было высказано предположение, что он построен после разрушения Персеполя, хотя и до исламского периода. И если это не дворец Артаксеркса I, то, возможно, он стоит на его месте.

Все прочие здания в Персеполе предназначались для многочисленных целей. Это были административные учреждения, склады, помещения, где расквартировывался гарнизон, и т. д. Среди этих сооружений, различных по своей планировке, находится сокровищница, обозначенная на плане буквой L. (Вообще под понятием сокровищницы мы подразумеваем обширный комплекс помещений, так как сокровища хранились и в других местах.)

Сокровищница была сооружена Дарием, затем им же расширена, а Ксеркс сделал ее еще более просторной. К первой довольно маленькой постройке добавили открытый прямоугольный двор с комнатами. На этом месте поставили деревянные колонны на каменных цоколях, а первоначальные стены переложили и сверху соорудили защитные перекрытия из обожженной плитки.

К северу и югу портики, выходявшие во двор, были перекрыты крышами, покоящимися на двух рядах деревянных колонн. На задних стенах восточных и южных портиков сохранились великолепные барельефы Дария (в натуральную величину) и его преемника Ксеркса, растянувшиеся в длину более чем на 20 футов. Лучшее всего сохранился рельеф на южной стороне. Сейчас он находится в Археологическом музее Тегерана.

Весь комплекс при Дарии был расширен; появился большой зал к западу от двора. В нем находилось девять рядов колонн по одиннадцать в каждом. Ксеркс добавил зал на северной стороне (пять рядов по двадцать колонн в каждом), что придавало ему особенно величественный вид. В обоих больших залах деревянные стволы колонн опирались на каменные базы, состоявшие из квадратного плинта и тора над ним. На них каменотесы оставили много разных знаков, но ни один не дает возможности предположить, к каким народам относились эти мастера.

Возможно, сокровищница была первой законченной постройкой на террасе. По мере того как продолжалась работа в ападане, дворце Дария и Тройном портале, она выполняла по крайней мере три функции. Прежде

всего использовалась для царских приемов, на что указывают два идентичных барельефа, затем как административное здание и, наконец, помещение, где хранились имущество двора и сокровища.

Раскопки в сокровищнице, где было почти сто комнат, залов и альковов, говорят о том, что она подвергалась грабежам, а многие находящиеся в ней предметы разграблены еще до пожара. Вещи, оставшиеся после грабителей, оказались настолько малы по размеру, что их трудно было заметить. Некоторые из них были разломаны на кусочки и не представляли уже большой ценности.

В сокровищнице хранились не только драгоценные металлы, одежда и мебель, но и предметы доахеменидского периода, доставленные сюда из завоеванных храмов, дворцов и городов. На некоторых предметах, оставшихся после грабителей, можно найти имена фараонов Египта, царей Ассирии и Вавилонии и в одном случае даже титул хеттского царя.

На алебастровой вазе обнаружен картуш фараона Нехо, на других алебастровых предметах — имя фараона Амасиса. На сосуде для питья из черно-белого гранита с ручками в виде львов сохранилось имя Ашурбанапала. Он был, возможно, привезен в Иран мидийцами после захвата ими в 612 г. Ниневии, затем находился в Экбатанах, и уже потом Ахемениды переправили его в Пасаргады и оттуда в Персеполь. В Археологическом музее Тегерана находится сейчас скульптура сидящей женщины в облегающем платье. Она изваяна в Греции примерно в тот период, когда создавались скульптуры Парфенона. Произведения искусства, как известно, вывозили из материковой Греции. При Ксерксе в Сузы были доставлены статуи Гармония и Аристокитона; там их нашел Александр и отослал обратно в Афины, где они были воздвигнуты на Акрополе.

Археологи обнаружили также монеты, датированные годом основания Персеполя, а также цилиндрические печати, изготовленные за несколько веков до Ахеменидов. Было найдено около двадцати трех цилиндрических печатей периода Персеполя. Интересно, что рельефы на них копируют сцены, изображенные на стенах Персеполя. Царь, которого можно узнать по его одежде, тиаре и длинной, квадратной бороде, изображен как по-

бедитель зверей, стоящих по обе стороны от него. Жрецы совершают обряды перед алтарем, на котором стоят ступка и пестик. Выше можно рассмотреть изображение Ахурamazды. Многие печати и перстни, несомненно, были изготовлены в Греции, и, вполне возможно, их носили греки, находившиеся при царском дворе.

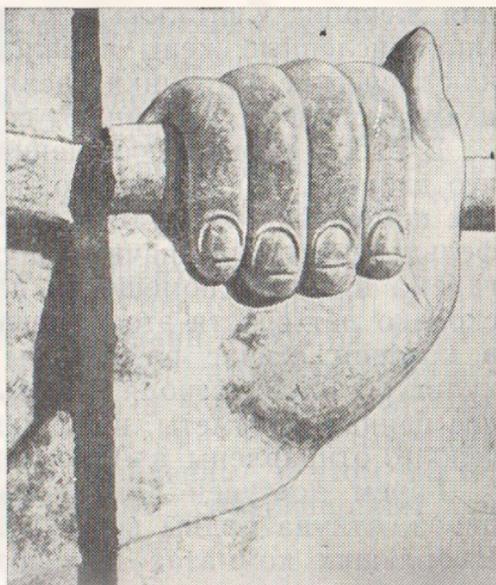
Археологически и мископками вскрыто множество царской посуды зачастую с именем Ксеркса на древнеперсидском, эламском,

аккадском и египетском языках. Высказывалось предположение, что большая часть посуды была сломана, когда грабители сдирали с нее золотую окантовку или облицовку. В Персеполе были найдены блюда, бутылки, подносы, вазы на трех ножках, а также осколки стеклянной и бронзовой посуды. Найдено около трехсот ритуальных сосудов. Здесь были ступки и пестики из твердого зеленого камня, которые, несомненно, использовались для приготовления хаомы, и бронзовые предметы местного изготовления. Типичен впечатляющий бронзовый пьедестал из трех шествующих львов.

Археологи не обнаружили никаких следов более экзотических предметов (изображения золотых деревьев и золотых виноградников, где зреют «плоды» из драгоценных камней), которые, по утверждению античных авторов, якобы были найдены в Персеполе.

### Гарем

К западу от сокровищницы расположено обширное сооружение, которое Э. Херцфельд, первым производивший здесь раскопки, назвал гаремом или помещением



Тройной портал (рука «бессмертного» воина)

для женщин. Считалось, что в этом здании проживали многочисленные жены и наложницы царя. В то время как греческие источники уделяют им большое внимание, ахеменидские не упоминают совсем.

В своем первом сообщении Херцфельд утверждал, что дворец Дария легко можно было перестроить в жилое помещение. И, будучи человеком деятельным, Херцфельд перестроил значительную часть так называемого гарема в жилое помещение для своих работников. Несколько лет спустя это помещение превратили в музей, в котором сейчас размещены предметы материальной культуры из Персеполя и близлежащего района. Наиболее ценные предметы, найденные при раскопках в Персеполе, отправлены в Археологический музей Тегерана.

Гарем доступен для входа с севера из открытого двора, откуда видны восстановленный портик и фасад. В больших комнатах бросаются в глаза характерные каменные порталы, ниши и стены сырцово-красной кладки. Хотя здесь довольно много больших комнат, для планировки здания больше характерны маленькие, расположенные по обе стороны узкого прохода. Очевидно, они были очень темны и мрачны. Автор склоняется к тому, что так называемый гарем представлял собой ряд складских помещений, дополнявших сокровищницу. Это мнение подкрепляет тот факт, что во время раскопок здесь не было найдено ни одного женского украшения.

### *Склады и военные казармы*

Еще дальше на запад, в районе, расположенном вдоль дворца Ксеркса и к югу от него, во время раскопок были обнаружены склады. В каждой комнате находилось по четыре деревянных колонны, от которых сохранились лишь основания. Ниши и двери выложены камнем.

В этом же самом районе во время недавних раскопок найдены помещения с цилиндрическим сводом сырцово-красной кладки. Поскольку они расположены в наиболее легко защитимой части террасы, было высказано предположение, что в них, вероятно, хранились запасы золота и серебра.

Во время раскопок там же обнаружен ряд комнат к востоку от Тронного зала, примыкавших к горному склону. Здесь, по-видимому, располагался военный гарнизон, а также конюшни и помещения для колесниц. Чтобы обезопасить раскопки от потоков воды, стекавших с Горы Милосердия после редких здесь ливней, был выкопан широкий ров.

При этих работах была обнаружена окружавшая Персеполь стена (от 33 до 39 футов толщиной), сохранившаяся в этой части на расстоянии 40 футов. Первоначальная высота, как предполагают, доходила до 60 футов. По северному краю террасы в некоторых участках стены обнаружены башни с комнатами. Так называемые «таблички крепостной стены», найденные в этом месте, возможно, были перенесены сюда из сокровищницы для хранения, когда в них отпала нужда.

### *Поселение под террасой*

Хотя здесь велись раскопки на небольшом пространстве, поселение на равнине внизу террасы было, по-видимому, когда-то довольно большим городом, где постоянно проживали правители и их вельможи. Здесь сохранились колонны и порталы из камня, а также стены из сырцового кирпича. В 1952 г. обнаружена постройка, на цоколях колонн которой имеется надпись «дворец царя Ксеркса» и двойная капитель с двуглавым орлом. Этот дворец был, по-видимому, расположен в большом саду с искусственным озером и огорожен городской стеной. Вполне возможно, что руины более крупного здания, находящиеся ближе к террасе, были дворцом Дария, хотя до сих пор здесь не обнаружено никаких надписей. Масштаб раскопок не позволил сделать заключение, служили ли эти здания помещениями для слуг и хозяев, или же для слуг и рабов отводились особые помещения.

### *Царские гробницы*

С Персеполем тесно связан Накш-и Рустам — местность, древнеперсидское название которой неизвестно<sup>22</sup>. Здесь, в скале, на расстоянии шести миль от Персеполя,

высечены гробницы четырех царей из династии Ахеменидов. Если стоять лицом к скале, они располагаются слева направо. Предполагают, что первая гробница принадлежит Дарию II, затем Артаксерксу I, Дарию I и Ксерксу. Только на гробнице Дария I написано его имя, и поэтому, лишь исходя из косвенных соображений, можно отнести остальные к последующим царям династии Ахеменидов.

Все четыре гробницы, глубоко врезы в скалу, сходны по планировке. Каждая имеет форму креста с отдельными вертикальными и горизонтальными элементами почти равной длины. Некоторые достигают 60 футов ширины и 70 высоты. Горизонтальная перекладина креста высечена таким образом, что напоминает портик, повторяя первоначальные деревянные детали. Четыре полуколонны, увенчанные капителями с бычьими головами, поддерживают горизонтальные балки антаблемента. Нижняя часть вертикальной перекладины представляет собой гладкую поверхность; на верхней — изображена двухэтажная платформа, поддерживаемая представителями тридцати сатрапий. На гробнице Дария их можно распознать по надписям.

На платформе два ступенчатых возвышения: на одном стоит царь, а на другом располагается алтарь огня. Над этим рельефом мы видим символическое изображение Ахурамазды. На гробнице Дария I по обоим ее краям выступают двенадцать вельмож, наблюдающих эту сцену.

В центральной части фасада каждой гробницы расположен скульптурно обрамленный вход. Украшения на них занимают больше места, чем сам вход, ведущий во внутреннее помещение. По обеим сторонам в каждом таком помещении несколько ниш, предназначенных для захоронения царей и членов семьи.

Перед гробницей Дария следы стены сырцово-кирпичной кладки, которая, по-видимому, огораживала это священное место. Поблизости расположен так называемый Каба-и Зардушт или Храм Зороастра, сходный с гораздо менее сохранившимся Зандан-и-Сулейман в Пасаргадах. Относительно назначения этих двух сооружений нет единого мнения. Это могли быть храмы, священные архивы или гробницы. Если последнее верно, то здесь были бы захоронены останки предшественников Дария и Кира.

Планировка помещений не позволяет предположить, что здесь хранился вечный огонь и был храм огня.

Считается, что остальные высеченные в стене гробницы, расположенные ближе к Персеполю, принадлежат другим царям династии Ахеменидов. На горе над Персеполием находится гробница, приписываемая Артаксерксу II из-за перечисленных в надписях сатрапий, которые повторяют некоторые части текста гробницы Дария I. Имена представителей сатрапий сохранились лучше, имя же царя отсутствует. На юго-восток от Персеполя находится гробница, приписываемая Артаксерксу III, и примерно на полмили к югу — неоконченная гробница, которая, как полагают, принадлежит Дарию III. Место для нее выбрано неудачно. Нижняя часть с изображением сцены поклонения Ахурамазде высечена в скале, а верхняя половина составлена из вытесанных каменных блоков.

## РЕЛЬЕФЫ ПЕРСЕПОЛЯ

В архитектуре Персеполя переплелись различные стили, заимствованные его создателями из нескольких стран. Неповторимы по своей внутренней последовательности и выразительности рельефы. Это — сцены, изображающие ритуальные обряды, для которых характерны торжественность и строгость. Однако мы не имеем указаний на место и время проведения этих ритуалов. Отсутствуют даже какие бы то ни было дополнительные детали, которые могли бы послужить ключом к разгадке. Рельефы хорошо передают атмосферу помпезности всего происходящего. Техника всегда безупречна, а в местах особо важных древние мастера поднимаются до высокой техники исполнения. И наконец, несмотря на известный формализм в изображении сцен, встречаются детали, в которых явно чувствуется особый интерес мастера к сюжету.

Слегка шероховатая, нанесенная зубчатым резцом поверхность способствовала лучшему сохранению красок, чем тщательно отполированная. Существует мнение, что красками заполняли пространство между фигурами. Однако Э. Херцфельд — первый археолог, производивший раскопки в Персеполе, утверждает, что они покрывали все рельефы. Символическое изображение Ахурамазды, обнаруженное Херцфельдом в Тронном зале, было покрыто яркими красками: светло-красной, золотистой или оранжево-желтой, густо-пурпурной, лазоревой с несколькими мазками изумрудной зелени — все это на черном фоне. Рельефы Тройного портала были, в свою очередь, покрыты ярко-красной и бирюзовой краской и металлом, возможно, золотом. Херцфельд только словесно описал цвета, ибо ни бирюза, ни лазурит не являются красящими веществами. Другие же



*Символическое изображение Ахурамазды*

минералы такими свойствами не обладают. Возможно, для этой цели использовались растительные красители. В некоторых местах на губах стражников до сих пор сохранилась красная краска. Рельефы были украшены орнаментом, который, возможно, появился только во времена царствования Ксеркса.

В Тройном портале золотые полосы вставлены в углубления короны царя, а на фигурах сановников сохранились отверстия для закрепления золотых браслетов и ожерелий. Рельефы (царей и символических изображений Ахурамазды) были декорированы различными украшениями, такими, как серьги и др. Бороды, возможно, были сделаны из бронзы и лазурита. Согласно некоторым данным, практика украшения скульптурных изображений золотом и лазуритом восходит еще к Урарту.

В так называемом гареме на одежде фигур высечен орнамент. На рельефах, изображающих процессию львов, розетки, по-видимому, предназначались для того,

чтобы облегчить работу мастеров, покрывавших их краской.

Тот, кто подобно туристу, приехавшему из провинции посмотреть Парфенон, сейчас восхищается гладкой поверхностью рельефов на лестнице ападаны, очень удивился бы, узнав, что первоначально почти вся она была покрыта яркими красками. Известно, что краски кажутся менее яркими при интенсивном свете.

Откуда же происходили ремесленники, мастера и рабочие, воздвигнувшие и украсившие Персеполь?

В начале своего царствования Дарий I приказал соорудить в Сузах дворец. Подробности о том, как его строили, записаны на обожженной глиняной табличке на древнеперсидском языке, найденной во время раскопок.

Эта надпись, видимо, составлена между 494 и 490 гг. до н. э., поскольку отец Дария Виштаспа, упоминающийся в ней, умер в 490 г., а карийцы и ионийцы, привозившие из Вавилонии лес, возможно, были доставлены сюда после падения Милета (Малая Азия) в 494 г. В надписи сказано: «[Работу по] изготовлению сырцового кирпича делали вавилоняне. Кедр доставлен с горы Ливан. Ассирийский народ доставил его до Вавилона, а из Вавилона его в Сузы доставили карийцы и ионийцы. Тиковый лес был доставлен из Гандхары и Кармании. Золото, которое здесь использовано, привезено из Лидии и Бактрии. Самоцветы, лазурит и сердолик, которые использованы здесь, доставлены из Согдианы, бирюза — из Хорезма, серебро и эбеновое дерево — из Египта, украшения для стен — из Ионии. Слоновая кость, которая употреблена здесь, доставлена из Эфиопии, Индии и Арахозии. Каменные колонны, которые здесь возведены, доставлены из селения Абирадуш и Эламе. Работники, которые тесали камень, были ионийцами и лидийцами. Золотых дел мастера, которые работали над золотом, были мидийцами и египтянами. Те, которые инкрустировали дерево, были мидийцами и египтянами. Те, которые делали обожженный кирпич, были вавилонянами. Люди, которые украшали стену, были мидийцами и египтянами».

Хотя это официальная надпись, однако составитель ее, видимо, дал вольную интерпретацию фактам, чтобы как-то подчеркнуть величие царя и его державы. Если

верить надписи, то мастеров и материалы привозили из двенадцати сатрапий. Но цифра эта вызывает сомнения. Так, например, дерево *уака*, которое иногда отождествляют с тиком или с иранским сиссоо, согласно надписи, привозили из Гандхары и Кармании (современная провинция Керман на юго-востоке Ирана), которая, по описаниям, представляла собой мрачную, засушливую территорию. В Арахозии, которую обычно отождествляют с нижним бассейном реки Гильменд в Афганистане, вряд ли могли быть слоны и, следовательно, слоновая кость. Согдиана упоминается как место, откуда привозили лазурит, хотя с доисторических времен этот редкий минерал добывали в северо-восточном Афганистане, в сатрапии Бактрия. Бирюзу доставляли из Хорезма, расположенного к югу от Аральского моря, в то время как знаменитые шахты Нишапура находятся гораздо южнее, в древней Парфии (современный северо-восточный Иран).

Эта надпись, несомненно, имеет отношение к обнаруженным при раскопках в Персеполе глиняным табличкам, которые фиксируют оплату труда ремесленников. Таблички сокровищницы упоминают ремесленников из различных сатрапий; мастеров по дереву из Египта; 55 каменотесов из Египта; хеттских (сирийских) работников; 201 египтянина и ионийца и карийских ювелиров. И только один человек, старший над мастерами, украшавшими здания, происходит, согласно надписи, из Суз и в Персеполь попал в период царствования Артаксеркса I. О работниках говорится лишь в двадцати четырех табличках. Отсутствуют тысячи табличек, которые, вероятно, составляли часть официальных документов периода строительства. Исходя из такого количества материала, делать выводы нужно очень осторожно. Поэтому довольно сомнительным представляется утверждение, что в Персеполе работало много каменотесов и скульпторов из Ионии (ионийцы упоминаются в двух табличках сокровищницы, двух неопубликованных табличках крепостной стены и в надписях из Суз). Дополнительные данные дают процарапанные на фрагменте рисунки (ранее входившие в состав коллекции Э. Херцфельда), представлявшие часть ступни одной из фигур рельефа. Гизела Рихтер считает, что на этих рисунках изображены какие-то бородатые лица, которые, как по-

лагают, весьма напоминают головы, встречающиеся на греческих вазах.

Надпись из Суз основное внимание уделяет материалам, которыми пользовались во время строительства, и орнаментам, а не тому, откуда мастера (каменотесы из Ионии и Лидии, декораторы стен из Мидии и Египта, мидийские и египетские ювелиры и каменщики из Вавилонии) были родом. Возможно, имелась подобная же надпись в ападане или во дворце Дария. Если это так, то ее, наверное, когда-нибудь обнаружат в Персеполе.

В табличках сокровищницы упоминаются 55 египетских каменотесов, высекавших надписи. Можно предположить, что они выполняли такие архитектурные детали, как, например, резные украшения, по своей форме повторяющие египетские, которые увенчивают порталы. Золотых дел мастера — карийцы, а не мидийцы и египтяне, как в Сузах. Вполне возможно, что сирийские «посильщики»<sup>23</sup>, доставлявшие камень и кирпичи каменотесам и каменщикам, были рабами.

Работники упоминаются на двадцати четырех табличках. Вызывает удивление большое число плотников, по-видимому, местных мастеров. Исходя из текста табличек, можно предположить, что одни и те же скульпторы изготовляли рельефы и круглую скульптуру, работая как с камнем, так и с деревом. Говорится также о мастерах, делавших двери из дерева и железа. Работники (в табличках их именуют мастерами по инкрустации и орнаментам), вероятно, отделывали внутреннюю поверхность стен, покрывали деревянные двери пластинами из железа, бронзы и золота и прикрепляли к фигурам царей на рельефах отдельные детали, также выполненные из золота и полудрагоценных камней.

В одном из текстов табличек сокровищницы, в которых записана плата мастерам, сказано, что в Персеполе одно время работало 239 строителей, в другом тексте — 900, и затем это количество доходит до 1100. В этих записях товары соотносятся с деньгами: так, овца оценивалась в 3 сикля, а кувшин вина — в один. В число других товаров входили пиво и зерно. Сикль, представлявший собой, скорее, денежную единицу, чем монету, можно приравнять примерно к 46 центам. Самая высокая месячная плата, упомянутая в табличках, составляла 8 сиклей. Там же приводится много других цифр,

в пределах от  $1\frac{1}{2}$  до 2 сиклей. Некоторые работники, включая женщин и детей, получали только  $\frac{1}{2}$ ,  $\frac{1}{3}$  или  $\frac{1}{4}$  сикля. Едва ли можно назвать щедрой такую заработную плату. Было высказано предположение, что эта плата — лишь добавка к продуктам, являвшимся частью месячного вознаграждения. Эламское слово *курташ*, возможно, имело значение «работник». Ричард Фрай считает, что курташ — иноземные рабы. Этой же точки зрения придерживаются и некоторые другие исследователи. По их мнению, низкую плату получали скульпторы из Ионии и другие квалифицированные рабочие; если бы они были свободными, то принадлежали бы к высокооплачиваемой категории.

### *Детали рельефов ападаны*

Во главе процессии вслед за колесницами, лошадьми и слугами шествуют высокопоставленные сановники государства. За ними следуют данники из двадцати трех сатрапий, принадлежавших Дарию. Эти фигуры в 3 фута высотой занимают три панели. На северном фасаде высокопоставленные сановники и охрана изображены на левой стороне,двигающимися к центру, а группы данников — на правой. На восточном фасаде композиция повторяется в обратном порядке.

«Бессмертные» стоят, упираясь нижним концом копья в палец ноги. Совершенно очевидно, что они находятся в парадной готовности, в то время как высокопоставленные вельможи проходят между их рядами.

На сценах верхней панели изображены привратники с жезлами в руках и металлическими кольцами на шее. Они ведут за собой трех слуг с бичами и кусками тканей под мышкой. Четвертый слуга несет на спине царский стульчик под ноги. Затем следует слуга, сопровождающий трех конюхов с лошадьми, а еще один идет впереди двух свободных колесниц, одна из которых предназначена для царя, а другая, по-видимому, для Ахурамазды. Детали колесниц очень красивы. Дышла прикреплены прямо к осям, а колеса закреплены на осях болтами в виде обнаженных карликов. Двенадцать спиц идут от центра к ободу, украшенному резным орнаментом.

Предполагают, что царь через восточную лестницу входил в ападану, проходил по ней и с северной лестницы производил смотр гвардии и данников. Затем он снова спускался в ападану в сопровождении только тех высокопоставленных сановников, которые допускались к нему. Однако один из исследователей считает, что данники не поднимались на террасу, а оставались внизу на равнине и царь мог наблюдать за ними с западного портика ападаны.

На выступающих частях центральной лестницы изображены стражники: персы и мидийцы поочередно. Они расположены группами по четыре с каждой стороны и перед центральными панелями — все значительно меньше натуральной величины. Персы одеты в развевающиеся туники, на голове кандий, одно плечо прикрыто щитом, в руке копьё. На мидийцах — тесно прилегающий кафтан ниже колен, перехваченный узким поясом, штаны зауженные, обувь, перехваченная ремешками. На голове войлочная шляпа с развевающейся лентой. По обеим сторонам лестницы изображен лев, нападающий на быка. Эта сцена символизировала весеннее равноденствие. Однако, судя по нашим знаниям о религиозных верованиях Ахеменидов, изображение умерщвления скота считалось неуместным, особенно в Персеполе.

На длинных панелях фасадов мидийцы и персы изображены вместе со стражниками из Суз, чьи длинные туники напоминают персидские; волосы перехвачены повязкой.

Группа данников из двадцати трех сатрапий представляет значительно больший интерес, чем длинные ряды стражников. Поэтому они привлекли особое внимание исследователей. Ценный вклад принадлежит здесь Р. Д. Барнетту и Г. Вальсеру, опубликовавшим результаты своих работ в Персеполе после того, как была раскопана восточная лестница.

Восемнадцать групп представителей различных сатрапий даны на трех панелях фасада; кроме того, по сторонам лестницы изображены еще пять групп; каждая отделена от последующей цветущим кипарисовым деревом. Численность групп различна: от трех до семи фигур. Каждую возглавляет человек, которого держит за руку сопровождающий его мидиец или перс. Представители двадцати одной сатрапии ведут животных. Чаще

всего это лошади, верблюды и быки. Данники несут драгоценности и различные предметы, характерные для тех мест, откуда они родом.

Изображение чужеземцев не было новым элементом в рельефах Персеполя. Г. Вальсер описывает и приводит иллюстрации аналогичных сцен, обнаруженных на предметах из Ура, на стенных росписях, а также на ассирийских рельефах. Отличительная черта рассматриваемых групп состоит в том, что на северной и восточной лестницах изображены такие же данники, но в разных направлениях. Таким образом, видны сразу обе стороны фигур. Правда, эта условность не всегда соблюдалась. Так, данники, стоящие позади животных на одном фасаде, казалось, должны быть изображены на другом стоящими впереди. Но это сделано далеко не всегда. Фигуры же со щитами впереди — на одной стене, на другой — они держат их позади. Условность, однако, не нарушается в изображении рук, несущих дань.

Группы данников на восточной лестнице обозначены на прилагаемой схеме номерами. Следует учитывать, что группы от 19 до 23 на наклонных частях конечной лестницы даны в уменьшенном размере.

Расположение групп, по-видимому, не связано с перечислением сатрапий империи, приводимом в различных источниках. Так, они, говоря о царствовании Дария I, упоминают сначала западные, а потом уже восточные сатрапии, а, повествуя о Ксерксе, западные и восточные сатрапии перечисляют попеременно. Некоторые группы данников, согласно этим источникам, одеты в костюмы, напоминающие мидийские. В последующих описаниях обозначения племен отражают субъективное мнение авторов и не всегда соответствуют другим исследованиям.

Первая группа — это мидийцы, несущие кувшин, чаши, короткий мидийский меч, тяжелые овальные кольца, верхнюю одежду и штаны. (Одежда, по всей вероятности, была сделана из кожи.)

Вторая группа — эламитяне, одетые в кандий, с повязками на волосах. Один из них удерживает на привязи рычащую львицу, она повернула голову к двум данникам, каждый из которых несет ее львенка. В руках у данников луки с наконечниками в виде утиных головок и два кинжала в ножнах.

Третья группа — армяне. Один из них держит над головой большой сосуд с ручками в виде грифонов, другой удерживает разгоряченную лошадь. Изображения этой, как, впрочем, и других групп, говорят о том, что рельефы северной и восточной лестниц не совпадают.

Четвертая группа — арреи, несущие чаши, шкуры и меха животных. Они ведут бактрийского верблюда.

Пятая группа — вавилоняне: они несут кубки, ткань с бахромой и ведут зебу. Их отличают головные уборы конической формы с кистями.

Шестая группа — лидийцы с вазами, кубками, браслетами и колесницей, запряженной двумя маленькими лошадьми. Осевая ее спица изображает фигуру египетского бога Беса. На данниках плащи с кистями по углам, такими же, как и на ионийских скульптурах.

Седьмая группа — арахосийцы, которые несут такие же дары, что и данники четвертой группы.

Восьмая группа — согдийцы. Их семеро в своеобразной обуви, в руках кубки, отрезки тканей и шкура какого-то животного. Они ведут двух баранов.

Девятая группа — каппадокийцы со свернутыми штанами, ведущие за собою лошадь. Их плащи застегнуты у плеч фригийскими фибулами.

Десятая группа — египтяне. Они босые; несут в дар ткани и ведут за собой на веревке быка.

Одиннадцатая группа — саки-тиграхауда, или скифы, с остроконечными шапками. Изображены вооруженными и в соответствующих их названию головных уборах. За собою они ведут лошадь и несут кафтаны и штаны (очевидно, такую же одежду они носили и сами).

Двенадцатая группа — ионийцы, одежда которых похожа на лидийскую (но без головных уборов); несут что-то, напоминающее пчелиные соты, и мотки цветной шерстяной пряжи.

Тринадцатая группа — парфяне с кубками в руках, ведущие бактрийского верблюда.

Четырнадцатая группа — гандхарцы, несущие в дар копыта и ведущие зебу.

Пятнадцатая группа — бактрийцы, одетые подобно мидийцам в кафтаны и закатанные штаны; несут сосуды и ведут бактрийского верблюда.

Шестнадцатая группа — сагартийцы; несут сложенные одежды и ведут лошадь.

Семнадцатая группа — хорезмийцы с коротким мечом, браслетами и боевым топором. За ними идет лошадь. Фигуры этой группы весьма выразительны; зрачки глаз, по-видимому, выдолблены.

Восемнадцатая группа — индийцы в характерных головных уборах. Все они, кроме предводителя, не обуты; грудь обнажена. Они несут корзины с вазами, боевые топоры и ведут осла.

Девятнадцатая группа — фракийцы. Она включает копьеносцев и щитоносца, изображенных в классической манере, в фракийских шлемах. Сцену завершает фигура лошади.

Двадцатая группа — арабы в очень живописных одеждах; они несут в дар ткани и ведут одногорбого верблюда.

Двадцать первая группа — дрангианцы; среди них копьеносец и щитоносец, а также два человека, сопровождающие длиннорогого быка. Было высказано предположение, что это арахозийцы, скотоводы и горцы из Кермана.

Двадцать вторая группа — ливийцы, ведущие куду и запряженную лошадьми колесницу.

Двадцать третья группа — эфиопы. Один из них несет вазу, другой — на одном плече бивень слона. Он же ведет окапи.

Высказывалось мнение, что эти группы данников прибывали один раз в год из своих сатрапий на новогодний праздник. Достаточных доказательств этого предположения, однако, нет. Их появление в Персеполе можно объяснить и по-другому. В ахеменидской армии был контингент войск, состоящих из представителей этих, а также, как утверждает Геродот, и некоторых других сатрапий. Ценные дары из сатрапий, несомненно, сохранялись и, возможно, выставлялись для обозрения в Персеполе и других крупных городах. Что же касается животных, то их, возможно, взяли из зверинца, находившегося в заповеднике Персеполя. Есть все основания полагать, что огороженные царские охотничьи заповедники сасанидских царей были основаны еще во времена Ахеменидов. В «Киропедии» Ксенофонта Кир сообщает об охоте на огороженной территории парка и

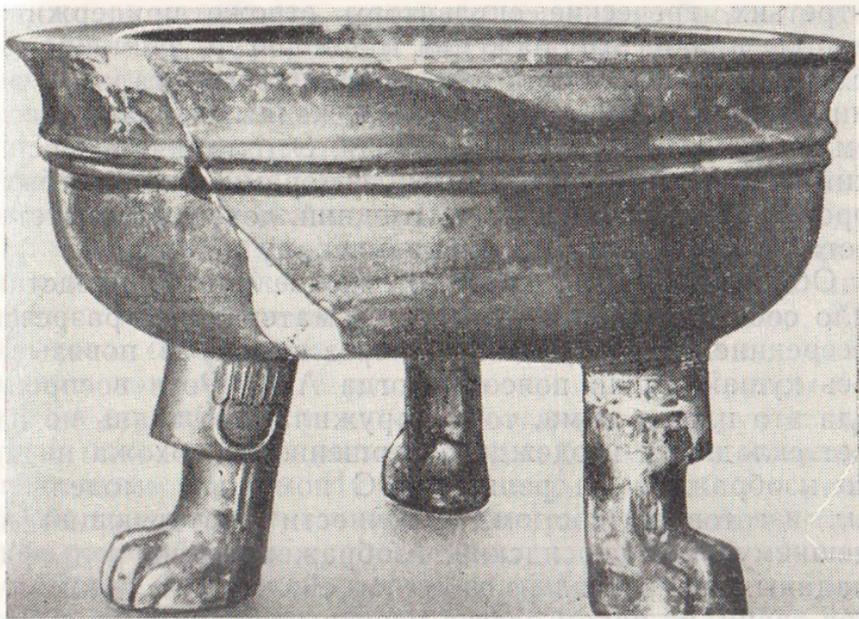
сравнивает ее с охотой на гораздо более привлекательной, открытой местности.

Возможно, перед Новым годом воинам из двадцати сатрапий было приказано переодеваться в свою традиционную одежду и в сопровождении животных нести различные ценные предметы, которые им выдавали. До, а может быть, и после одного из празднеств они должны были предстать перед скульпторами, работающими на ападане. Конечно, мы никогда не узнаем, располагались ли они прямо перед панелью, на которой высечены их образы, или скульпторы делали с них зарисовки, или же лепили из глины.

### *Художественный стиль и техника выполнения*

Анализу стиля и технике выполнения рельефов обычно уделяется гораздо меньше внимания, чем попытке определить принадлежность группы данников. Рассмотрим вкратце работы, посвященные ахеменидскому искусству, нашедшему отражение в рельефах Персеполя, придавая при этом особое значение греческому влиянию.

Специалисты по классическому греческому искусству считают, что для рельефов лестниц ападаны характерны черты греческой культуры, но они объясняются не греческим влиянием на персидских ремесленников, а тем, что в Персеполе работали греческие скульпторы. Так, Гизела Рихтер, специалист по древнегреческой скульптуре, пишет: «Греки работали непосредственно для „царя царей“. Занимая подчиненное положение, они должны были следовать строгим правилам, требовавшим стереотипных форм и не позволявшим ни малейшего отклонения от них. Все предопределялось заранее — тема, расположение фигур, композиция, типы, костюмы». Г. Рихтер в этом высказывании опирается на Э. Херцфельда, который писал: «Это искусство стандартизовано, строгие правила не допускают ни малейших отклонений». На самом же деле, взгляды Херцфельда и Рихтер прямо противоположны. Ведь Херцфельд утверждал: «Вся иранская драпировка — это всего лишь попытка отличить персидские костюмы от индийских и других».



*Чаша из черта (Персепольская сокровищница)*

Как известно, предположение о присутствии в Персеполе ионийских и лидийских каменотесов никем не доказано. Такие специалисты, как Гизела Рихтер, утверждают, что именно эти скульпторы и высекали одежду на фигурах рельефов. Исследователи отмечают, что изображение тканей одежды, уложенной складками с зигзагообразными краями, в которые одеты персы, отражает стиль, использовавшийся греческими скульпторами примерно в 525 г. до н. э. То, что при этом применяли зубчатый резец, вошедший в моду в Греции примерно в 525 г. до н. э., считалось доказательством не только связи с греками по стилю, но и по технике исполнения.

Существуют, впрочем, и другие точки зрения, согласно которым рельефы не могли быть выполнены греками. Они основаны на следующих четырех положениях. Во-первых, если чужеземных скульпторов так контролировали и выполнение рельефов так строго регламентировалось, как утверждают специалисты по классическому искусству, вряд ли здесь могло быть допущено иноземное влияние. Во-вторых, если бы скульпторы были греками, строение тела они передали бы точнее.

В-третьих, греческие скульпторы строже придерживались бы правил изображения голов фигур, а именно необходимости размещать их по одной горизонтальной линии. В-четвертых, одежды со сложенными краями совсем не греческого происхождения. Это типично персидский костюм, выполненный скульпторами, которые были хорошо с ним знакомы. Последний довод исследуется в статье Анны Роуз по ахеменидскому костюму.

Обычно считается, что персидское платье представляло собой прямоугольный кусок материала с разрезом посередине. Оно надевалось через голову и повязывалось кушаком или поясом. Когда Анна Роуз воспроизвела это платье сама, то обнаружила, что ткань не падает складками и одежда совершенно не похожа на ту, что изображена на рельефах. С помощью модельера был изготовлен костюм, в точности повторяющий по внешнему виду персидский, изображенный на рельефах ападаны. Он состоял из двух частей: юбки из узких кусков ткани, по бокам слегка перекрывающих друг друга, свободно ниспадающих складками; куска материи — накидки, заткнутой в юбку. Под локтями были вшиты куски, образующие складки.

Считается, что эту одежду носили во время важных церемоний, поскольку она совсем не подходила для повседневной жизни. Когда царя изображали на печатях в такой одежде во время охоты или боя, то накидка лежала отброшенной на плечах, а юбка была заткнута за пояс.

Подобное изображение «истинного» персидского костюма не вызывало сомнения, и другой исследователь, Бернард Гольдман, не только согласился с его существованием, но и пытался найти какие-то прототипы. Их стали искать в костюмах, изображенных на луристанских бронзовых изделиях. Последние были отлиты еще до возвышения мидийцев и персов. Изучались и другие художественные изображения, такие, как хеттские. Основываясь на этом материале, очень легко, по-видимому, согласиться с тем, что персидская одежда была распространена на обширной территории. Следует отметить, что юбки в течение долгого времени оставались предметом одежды мужчины в классическом мире. Когда Александр завоевывал Азию, ему советовали носить штаны подобно тем народам, с которыми он сталкивал

ся, но он отказался от такого «женоподобного» костюма. Однако по рельефам ападаны нам доподлинно известно, что прилегающий кафтан и штаны мидийцев были распространены и в других странах.

Удивителен контраст между строгим, статичным изображением групп данников и более свободным — высокопоставленных вельмож. При изучении рельефов с данниками становится очевидным, что никакого общения как между отдельными данниками, так и между ними и их персидской или мидийской охраной не было. Кроме того, очень немногие группы оригинальны с точки зрения композиции и расположения фигур. Группы 13-я и 15-я вообще почти ничем не отличаются друг от друга, а остальные по расположению отдельных элементов в основном похожи. Их невозможно сравнивать с рельефами греческих храмов, для которых характерно большое разнообразие.

Отдельные элементы костюмов, снаряжения, головных уборов и обуви свидетельствуют также о некоторой повторяемости и однообразии в изображении самой дани. Мы находим здесь слишком много похожих животных, сосудов и предметов одежды. Только данники 2-й, 18-й и 23-й групп несут предметы, выгодно отличающие их от прочих удачным композиционным решением.

Наиболее гармонична 18-я группа [ионийцы на восточной стене]. Идентичное изображение на северной стене менее удовлетворительно, так как содержит на одну фигуру больше, из-за чего вся композиция кажется несколько перегруженной. В ряде групп на восточном фасаде лестницы меньше фигур, чем в соответствующих на северном. Нет никакого сомнения в том, что создатели рельефов на восточной лестнице считали необходимым упорядочить расположение фигур на северной. Об этом свидетельствует и более позднее создание восточной лестницы. Изображение 2-й группы также очень удачно: рычащая львица и два данника, прижимающих к себе ее детенышей. Эта композиция, по-видимому, отражает непосредственное наблюдение скульптора.

Следует отметить подчас большое несоответствие в размерах человеческих фигур и животных. Поскольку мужские фигуры (женские совершенно отсутствуют на рельефах Персеполя) полностью заполняли панель, большинство животных приходилось изображать гораз-

до меньше их натуральной величины. Конечно же, лошадь не должна была быть ростом с зебу, но 6-я группа оказалась настолько перегруженной людьми, что лошадей пришлось размещать в весьма ограниченном пространстве, значительно уменьшив в размере и нарушив тем самым пропорции.

Возможно, скульпторы и посетители осознавали эту несоразмерность в изображении людей и животных. Следует отметить, что для рельефов ассирийских дворцов характерны более удачные пропорции.

Человеческие фигуры изображались, исходя из условностей, принятых в древнем мире. Закон изокефалии, согласно которому в изображении группы людей их головы должны быть на одном уровне, соблюдался только частично. Подавляющее большинство фигур дается в профиль. В тех случаях, когда скульптор делает попытку изобразить фигуру в повороте, становится видимым ее второе плечо. Но эти попытки не были успешными — плечо на изображении выделяется неестественно, вопреки законам анатомии. Туловища некоторых фигур обращены вперед, а головы и ноги повернуты в профиль — еще одна условность изображения.

Что касается высокопоставленных сановников, то в их изображениях характерно стремление передать связь друг с другом. Одни повернули головы и смотрят на своих спутников, даже касаются их плеча, другие держатся за руки. Некоторые из них небрежно положили руку на рукоятку меча или даже держат в руках цветы. Атмосфера непринужденности, характерная для вельмож, контрастирует со строгим, воинственным видом гвардейцев, выстроившихся в длинные шеренги.

Анатомические детали фигур переданы весьма посредственно. Головы, как правило, поставлены прямо на плечи, шея просматривается в очень редких случаях. Руки изваяны примитивно. Верхняя часть руки слишком коротка, а локоть доходит до линии талии. Вообще руки непропорционально малы по отношению ко всему телу, а туловища не сужаются от плеч к талии.

Такое пренебрежительное отношение к анатомии людей и животных выдвигается как основной аргумент против работы греческих скульпторов в Персеполе.

Рельефы говорят о большом разнообразии стилей причесок и бород. Бороды сановников короче, чем у па-

рей, и длиннее, чем у воинов. Черты лица всех фигур в большинстве случаев выполнены в одном стиле; счастливое исключение являют собой представители эфиопской группы с четко выраженными негроидными чертами лица.

Как указывалось раньше, законченные фигуры были тщательно отделаны зубчатым резцом. Затем их до блеска полировали шлифовальными камнями. Полировка сглаживала острые углы высеченных деталей, хотя и не уничтожала следов резца в пространстве между фигурами. Некоторая шероховатость, возможно, специально сохранялась для того, чтобы удерживать красящий материал.

### *Рельефы Тройного портала*

К Тройному portalу есть подход и с севера по еще одной лестнице, украшенной рельефами. Она находилась в течение долгого времени под щебнем, поэтому архитектурные детали хорошо сохранились. Они отличаются от фигур на лестницах ападаны. На центральной панели изображены в обычной композиции воины, повернутые лицом к панели со сцепившимися в схватке львами и быками по углам. На внешних фасадах животные изображены более выразительно, а воины расположены по углам.

Лестница Тройного портала тщательно спланирована и совпадает со всей длиной фасада. Скульптор пожертвовал пространством только для того, чтобы выполнить главное ее назначение — обеспечить переход с одного уровня на другой. Самые интересные рельефы здесь те, которые не бросаются в глаза, а именно ряды сановников по обеим сторонам лестницы. Их 152 фигуры, по одной и по две поднимающихся по ступенькам: мидийцы на одной стороне, персы — на другой. В смелой попытке передать атмосферу непринужденности скульпторы зашли так далеко, что достигли почти комического эффекта. Это особенно относится к фигурам мидийцев, где мы находим много необычных и забавных деталей. Одни из них шагают свободно, другим, по-видимому, стоит большого труда перебраться с одной ступени на другую. Некоторые повернули головы и смотрят

на тех, кто следует за ними, и даже протягивают руки за помощью. Кое-кто удерживается, чтобы не упасть, положив руки на плечи идущих впереди. Есть мидийцы, которые поглаживают бороды. Почти все несут цветы, они крепко прижимают их к себе или с удовольствием нюхают, и только один заботливо протягивает кому-то большой плод.

Свободная интерпретация этих фигур напоминает изображение фигур сановников на фасадах лестниц ападаны. Обычно считают, что, когда ападану еще строили, Тройной портал был уже закончен. Если это так, то лестницы портала могли быть построены раньше, чем восточная лестница ападаны. На последней изображены скорее воины, а не ряды сановников, поднимающихся по ступенькам. Как ни прелестны некоторые орнаменты и изображения сановников на ступенях Тройного портала, вполне возможно, что они не были повторены, потому что в целом считались выполненными неудовлетворительно. Дело в том, что для соблюдения закона изокефалии некоторые фигуры изображались в искаженных пропорциях. Эти фигуры представляют собой какое-то смешение великанов, людей среднего роста и карликов. Так, например, фигура, поднимающаяся с одной ступени на другую, чаще всего оказывалась огромного размера; в тех же местах, где изображена целая группа фигур, поднимающихся на ступеньки, они были совсем маленькими. Скульпторы отдавали себе в этом отчет и кое-где пытались сгладить подобные искажения.

Техническое выполнение деталей этих фигур менее совершенно, чем на лестницах ападаны. Руки, покоящиеся на одежде, безжизненны и плоски, ступни бесформенны и неуклюжи, а непривлекательные бороды заканчиваются просто рядами высеченных линий. Некоторые детали так и не были завершены.

К последним ступеням лестницы примыкает портик с двумя колоннами. Отсюда в центральный зал вел портал. На одном из его косяков изображен Дарий, за которым следуют сановники меньшего роста. Они высоко держат зонт — символ царской власти — и метелочку от мух. Можно подумать, что в древности люди были буквально окружены облаками мух. Египетские фараоны имели, конечно, такие метелочки, но и мух ведь

там, по-видимому, было больше, чем в Персеполе, если судить по нашему времени. На другом косяке портала изображен Дарий на троне; позади него стоит Ксеркс, такого же роста, как и его отец.

### *Рельефы сокровищницы*

На рельефах сокровищницы Дарий изображен сидящим на стуле с высокой спинкой. Он упирается ногами в скамеечку. В одной руке у Дария длинный тонкий жезл, в другой он держит цветок лотоса с двумя бутонами. Позади отца на этом же низком помосте, который поддерживает трон, стоит Ксеркс. У него квадратная борода. На нем длинный кафтан, на голове тиара, в руках Ксеркс держит лотос. Великолепным жестом отдает он дань уважения Дарию.

По обе стороны трона на высоких подставках — две тонко отделанные курильницы для фимиама; крышки светильников прикреплены к основаниям курильниц цепями. Сразу же за ними — фигура человека. Его рука поднесена ко рту, и весь вид выражает крайнее почтение. Высказывалось предположение, что это хазарпат — начальник царских телохранителей. Но поскольку на нем мидийский костюм, вполне возможно, что это мидийский полководец Дария — Тахмаспада. Рельеф заканчивается изображениями двух персидских воинов.

Позади Ксеркса стоит царский казначей, весьма важное лицо при дворе. Возможно, им был евнух. Его подбородок не виден под замысловатым головным убором — башлыком. На рельефах дворцов этот же головной убор встречается у слуг, несущих еду. В правой руке у казначея знак власти — кусок ткани, который ошибочно принимали за салфетку. В действительности же это полотенце. (В древности ели руками. До и после еды передавали чашу с полотенцем, для того чтобы вытирать руки — в те времена салфетки еще не были известны.) Далее следует личный оруженосец царя. Он несет боевой топор и чехол для лука, высеченный с большим изяществом и отличающийся тонко отработанными деталями. Вполне возможно, что это Аспатин — оруженосец, о котором упоминает текст на гробнице Дария. В левой руке у него ремешок от чехла, перекинв-

тый через плечо и заканчивающийся птичьей головой. В правой — скифский боевой топор; одна сторона металлической головки имеет форму рыбы, которую утка держит в клюве, другая — наковальни. На правом бедре — короткий меч, ножны которого прикреплены кожаным ремешком к спускающемуся двойному поясу. Рукоятка меча плоская, овальной формы; на эфесе две горизонтальные полосы, квадратные и треугольные насечки. Лезвие убрано в ножны с тонким орнаментом. Верхняя часть их в форме лука украшена изображением стоящих спиной друг к другу на задних лапах грифонов. Они повернули головы и свирепо глядят один на другого. У грифонов головы ястреба, а тело и передние лапы с когтями льва.

На ножнах, края которых искусно украшены каймой, изображены также шагающие на задних лапах девяти козорогов. На наконечнике — голова быка. Рог его образует цветок в форме сердца, окаймленный девятью лепестками; внизу условное изображение льва. Ножны удерживаются у бедра благодаря плетеному кожаному ремешку, который проходит вокруг правого колена. Позади оруженосца идут персидские воины. Вся эта сцена происходит под балдахином, от которого остались только шесты и кисти.

ПЕРСЕПОЛЬ СО ВРЕМЕНИ ПОЖАРА  
ДО НАШИХ ДНЕЙ

Вскоре после сожжения Персеполя Александром Македонским в 330 г. до н. э. территорию, на которой он был расположен, вновь заселили персы. Некоторые дворцы (например, постройка *H*) наскоро отстроили, для того чтобы в них можно было поселиться, а селение Стахра (в нескольких милях к северу от дворца) было заселено и стало называться Истахр. За несколько веков до гибели от нашествия арабских армий (VII в. н. э.) он превратился в большой город. О существовании этого города свидетельствуют в Персеполе две надписи на языке пехлеви, относящиеся к сасанидскому периоду. Одна датируется вторым годом царствования Шапура II (312 г. до н. э.), а другая высечена в его честь двумя сановниками. В более поздние времена были добавлены новые надписи. К IV в. н. э. относятся и изображения сасанидских царевичей на лошадях в так называемом гареме Ксеркса.

В течение многовекового исламского периода (начиная с VII в. н. э.) известные путешественники оставляли описания своих посещений Персеполя. Первый из них — Адуд ад-даула Фан-Хусрау, буидский правитель, чья первая резиденция была в Ширазе. При нем в 344/955 г. высечены две надписи<sup>24</sup>. Из них следует, что Фан-Хусрау помогали два человека, которые прочли все написанное на памятниках. Одного из них звали Марасфанд. Это был мобед (духовное лицо) Казеруна. Тогда зороастризм еще распространялся в этих местах, и мобед оказался в состоянии прочесть пехлевийские надписи Шапура II.

Однако в них не упоминается о том, что Адуд ад-даула снял четыре больших двери и переправил их в

Шираз, где они были поставлены в его дворце вблизи Шираза, в Каср-и-Абу Наср.

Другие надписи на арабском и персидском языках относятся к 392/1002, 438/1046, 444/1052, 462/1069, 562/1166, 773/1371, 825/1422, 829/1425, 869/1464, 881/1476 и 1296/1878 гг. Они (в том числе и поэтические строфы, близкие к стихам Омара Хайама) никогда тщательно не изучались ни сами по себе, ни в их связи с Персеполем.

Те, кто высекал эти надписи, называли территорию Персеполя Тахт-и-Джемшид («Трон Джемшида», мифического правителя Ирана). Это название было в ходу в течение многих веков, после того как Истахр пришел в упадок. Описания мусульманскими географами Персеполя настолько похожи, что, возможно, некоторые из них переписывали их у своих предшественников, хотя сами никогда и не бывали здесь. Очень характерны впечатления ал-Балхи, относящиеся к XII в. Он сообщает:

«Затем он [Джемшид] построил дворец у подножия горы, равного которому не было во всем мире. У подножия горы Джемшид построил террасу из твердого камня черного цвета. Терраса имела четыре стороны — одна у подножия горы и остальные три обращенные на равнину. Высота террасы со всех сторон — 30 локтей. Он построил две лестницы. По ним так легко было взбираться, что даже всадники поднимались на лошадях без труда. Затем на террасе он воздвигнул белокаменные колонны из блоков, настолько искусно сделанные, что ничего подобного невозможно было бы вырезать или выточить из дерева. Эти колонны очень высокие. Они все разные; выделялись только две, стоявшие перед порогом. Удивление вызывает то, как были поставлены эти огромные камни, ибо каждая колонна достигает более чем 30 локтей в обхват, 40 локтей высотой и состоит только из двух или трех блоков. Здесь же можно видеть изображение Бурака [крылатый конь, вознесший пророка Мухаммеда на небеса во время его ночного путешествия], и оно выглядит так: у него лицо человека с бородой и вьющимися волосами, на голову надета корона, а туловище с передними и задними ногами, как у быка, и с хвостом быка. На этих колоннах первоначально были воздвигнуты верхние этажи, от которых сейчас не осталось и следа. Повсюду можно видеть скульптурный портрет Джемшида. Он изображен

как сильный человек с отросшей бородой, красивым лицом и вьющимися волосами. Во многих местах Джемшид обращен к солнцу. В одной руке у него жезл, в другой — курильница с благовониями; он молится солнцу. На других изображениях Джемшид хватает льва за шею левой рукой или дикого осла за голову или же держит охотничий нож, который вонзил в живот льва или единорога».

Из этого описания ясно, что автор внимательно все осмотрел. Среди мифических царей древнего Ирана Джемшид известен как прекрасный охотник. Высказывалось предположение, что именно поэтому изображение на рельефах северной лестницы ападаны львов, нападающих на быков, связывали с его именем.

Одним из первых европейцев, посетивших Персеполь примерно в 1474 г., был Иосафат Барбаро. Ниже приводится его описание в переводе, сделанном с итальянского сочинения, опубликованного около 1550 г.:

«... и в поле зрения появляется круглая гора, срезанная с одной стороны, а спереди она 6 шагов высоты. Наверху — терраса, а вокруг колонны, всего их 40, называемые чилминар... что на их языке означает 40 колонн. Каждая из них длиной 20 ярдов, а ширина такова, что ее могут обхватить три [человека]. Но некоторые из них разрушены. И все же, судя по тем, которые остались, это было прекрасное сооружение. На террасе есть огромный камень из одного куска. На нем много людей, похожих на великанов. А над ними в круге фигура, напоминающая чем-то нашего бога. В каждой руке он держит шар, под ним небольшие изображения, а перед ним стоит человек, опирающийся на арку, которая, как говорят, была увенчана фигурой Соломона. Под ними много других рельефов, которые, по-видимому, поддерживают изображения, находящиеся наверху. Среди них есть одно, напоминающее митру папы. Он держит руку так, как будто собирается благословить всех, кто находится внизу. Они же смотрят на него так, как будто ожидают его благословения».

Хотя это описание краткое, его достаточно, чтобы угадать символическое изображение Ахурамазды, а также царя на троне. Очень забавно, что автор обнаружил в рельефах элементы христианства, точно так же как мусульмане находили в них следы ислама.

Первым, кто производил раскопки в Персеполе, был Мо'тамед ад-даула Фархад Мирза. Он приходился дядей Назиру ад-Дин Шаху, правившему в тот период, и был в 1876 г. губернатором провинции Фарс (главный город — Шираз). Фархад Мирза отличался жестокостью. Говорили, что во время его правления за различные проступки было отрезано не менее семиста рук. Согласно записи сына Фархада Мирзы, отец начал раскопки на месте Персеполя примерно два года спустя, после того как стал губернатором. Скорее всего потому, что его любопытство возбуждало все возрастающее число посетителей, приезжавших из-за границы. Кроме того, мысль о захороненных сокровищах возбуждала его алчность.

Известно, что Фархад Мирза нанял около шестисот рабочих, но об этом не сохранилось никаких сведений. Он, по-видимому, ограничился тем, что приказал расчистить основное пространство Тронного зала.

Очень возможно, что Фархад Мирза воспользовался услугами Мухаммеда Назир Мирзы Форсат Гусейна Ширази, выпустившего впоследствии работу «Древности Персии».

Те, кто посещал эти места в XVIII и в начале XIX в. (до появления фотографии), оставили полезные описания и гравюры с изображением Персеполя. В составе некоторых экспедиций были художники, которые делали зарисовки развалин Персеполя и других мест. В Европе рисунки попали в руки граверов и литографов, чье воображение быстро дополнило недостающие элементы.

Еще в конце XVIII в. на видных местах развалин посетители начали высекать свои имена, предпочитая для этой цели «Ворота Всех стран». Некоторые увезли с собой фрагменты рельефов, в основном из наиболее доступной верхней панели северной лестницы ападаны. Р. Д. Барнетт и Л. Ванден Берге проследили судьбу этих камней. Многие из них находятся сейчас в музеях и частных коллекциях.

Джеймс Морьер, британский дипломат, путешественник и автор хорошо известного плутовского романа «Приключения Хаджи Баба из Исфахана», в 1815 г. про-

изводил раскопки в этих местах. Затем в 1891 г. другой англичанин, У. Х. Бланделл, тоже раскапывал здесь, оставив описание, судя по которому не нашел ничего, что представляло бы какую-либо ценность.

В 1924 г. правительство Ирана обратилось к известному архитектору, археологу и лингвисту Э. Херцфельду с просьбой подготовить подробный доклад, в который входило бы описание развалин и план их реставрации, а также проект раскопок и реконструкции Персеполя. Доклад Херцфельда был издан на французском и персидском языках. Херцфельд примерно подсчитал время и определил стоимость затрат, необходимых для производства раскопок. На деле расходы во много раз превысили названную им сумму.

Раскопки были предприняты по инициативе известного египтолога, основателя Восточного института при Чикагском университете профессора Джеймса Генри Брестеда. В 1931 г. в Персеполе начала работу экспедиция под руководством Херцфельда. В первый сезон раскопали большую часть здания, которое археолог назвал «гаремом Ксеркса». Его начали восстанавливать как жилье для тех, кто вел раскопки, а также музей для хранения найденных предметов. Восстановительные работы шли по тому же методу, что и строительство ападаны, описанное выше. В сезон 1932 г. было сделано крупное открытие — откопана восточная лестница ападаны. Расчистили также «Ворота Всех стран» и раскопали часть Тройного портала. На третий и четвертый сезоны в основном расчищалось пространство между ападаной и Тронным залом.

В 1935 г. руководство раскопками принял археолог Э. Ф. Шмидт, имевший опыт подобной работы в Ираке. Было вскрыто обширное пространство на территории сокровищницы и найдены два замечательных рельефа с изображением Дария во время аудиенции, а также Тронный зал и окружающие его постройки. Обнаружили также ворота зала. В связи с началом второй мировой войны раскопки были приостановлены. Шмидт опубликовал три тома, излагающие результаты своей работы.

В течение почти восьми лет, в весенние и осенние месяцы, на террасе Персеполя трудилось огромное число рабочих, набранных из близлежащих деревень. Иногда

во время раскопок перед археологом встает целый ряд технических трудностей. Здесь может быть несколько культурных слоев, и каждый из них следует осторожно вскрыть и изучить. Иногда, как, например, в Геркулануме, место раскопок было заселено только в один исторический период, но перед археологами стояла сложная задача: весьма тщательно освободить от земли постройки и предметы внутреннего убранства. В Персеполе подобных трудностей не было. Основная задача археологов заключалась в том, чтобы удалить нанесенную ветрами пыль, накапливавшуюся столетиями, кучи каменных обломков и оставшийся строительный мусор. По узкоколейной железнодорожной ветке с помощью вагонеток, которые можно было легко толкать руками, весь мусор отвозили на некоторое расстояние от террасы, где его сваливали на стерильную почву<sup>25</sup>.

Когда археологи дошли до уровня комнат и залов, темп работ несколько замедлился. Необходимо было проверить весь мусор, чтобы не упустить предмета, представляющего интерес для науки, как бы мал он ни был.

В сороковые годы Археологическая служба Ирана под руководством Андрэ Годара взяла на себя работы по очистке террасы. Конец раскопок уже виден, хотя они все еще продолжаются. Когда наступит этот день, можно будет установить окончательный план террасы с ее многочисленными и разнообразными сооружениями. Тогда археологи приступят к следующему этапу: реконструкции ападаны и, возможно, «Ворот Всех стран». Туристам не следует опасаться, что реконструкция Персеполя приведет к потере его исторической ценности — ведь хорошо известно, что афинский Акрополь сказочно красив именно потому, что в сравнительно недавнее время некоторые его здания были тщательно восстановлены.

Тем временем продвигается работа по реконструкции. Поврежденные рельефы, парапеты, колонны и капители заливаются цементом, подобранным по цвету камня. Каменотесы из Италии, вооружившись самыми современными резцами, высекают в камне недостающие архитектурные элементы. Особое внимание уделяется сохранению рельефов восточной лестницы ападаны и лестниц Тройного портала. В течение нескольких лет

они были укрыты от солнца и ветра крышами на деревянных подпорках. Сейчас, однако, считают, что ни палящее солнце, ни ветер не разрушают поверхность рельефов так, как влага. Учитывая то внимание, которое уделяется этому архитектурному памятнику, можно надеяться на сохранение тех его сооружений, которые дошли до наших дней. Но если не начать интенсивную кампанию за восстановление Персеполя, неповторимое величие его никогда не подымется из руин.

<sup>1</sup> Окс — современная р. Амударья.— *Прим. ред.*

<sup>2</sup> Краткое описание деятельности правителей династии Ахеменидов, которое следует ниже, основано на греческих источниках, главным образом на «Истории» Геродота. Нужно, однако, отметить, что греческие авторы значительно преувеличивали численность персидской армии.— *Прим. автора.*

<sup>3</sup> Сатрапиями назывались административные области Ахеменидской державы (например, Египет).— *Прим. ред.*

<sup>4</sup> Сузы — древняя столица Элама, а со времени Дария I (VI в. до н. э.) — административная столица Персидской державы.

<sup>5</sup> См.: R. T. Hallock, *Persepolis Fortification Tablets*, Chicago, 1969; М. А. Дандамаев, Новые документы царского хозяйства в Иране, — «Вестник древней истории», 1972, № 1, с. 3 и сл.— *Прим. ред.*

<sup>6</sup> Не было никакой надобности отправлять писцов из Суз в Персеполь, так как там был свой штат писцов.— *Прим. ред.*

<sup>7</sup> В действительности Ктесий упоминает Персеполь (об этом см. подробно Послесловие).— *Прим. ред.*

<sup>8</sup> С этим трудно согласиться (см. Послесловие).— *Прим. ред.*

<sup>9</sup> Переводы древнеперсидских надписей здесь и далее сделаны с языка оригинала, а не английского текста.— *Прим. ред.*

<sup>10</sup> Геродот (VI, 98) переводит имя Дария как «покоритель». — *Прим. ред.*

<sup>11</sup> Геродот нигде не упоминает Бехистунскую надпись. Он, по всей вероятности, не знал ее (см.: М. А. Дандамаев, Иран при первых Ахеменидах, М., 1963, с. 140).— *Прим. ред.*

<sup>12</sup> Это неверно. Слово «сатрап» (по-древнеперсидски *хшатрававан* — «хранитель царства») встречается в Бехистунской надписи (столбец III, строки 14 и 56).— *Прим. ред.*

<sup>13</sup> Так утверждает Геродот (VII, 83). По мнению итальянского ираниста А. Пальяро, которое в настоящее время принимается и большинством других ученых, Геродот, или его источник, спутал древнеперсидское слово *анушия* («соратник, приверженец») со словом *ануша* («бессмертный») (см.: A. Pagliaro, *Riflessi di etimologie iraniche nella tradizione storiografica greca*, — *Rendiconti Accademia Nazionale dei Lincei*, 9, Roma, 1954, с. 146—151).— *Прим. ред.*

<sup>14</sup> Вряд ли существовал «правовой Кодекс Дария» и, во всяком случае, он не мог быть основан на Законах Хаммурапи, жившего за двенадцать с лишним веков до Дария I.— *Прим. ред.*

<sup>15</sup> Откупщиков податей в Ахеменидской державе не было (см.: G. Gardaschia, *Les Archives des Mursû*, Paris, 1951, с. 189—198).— *Прим. ред.*

<sup>16</sup> По всей вероятности, слово «дарик» происходит от древнеперсидского *дари* — «золото», а не от имени Дария.— *Прим. ред.*

<sup>17</sup> Трудно согласиться с тем, что у персов не было «знаний в области стратегии и тактики» и что Ксеркс надеялся покорить Грецию лишь количественным перевесом своих сил. Из труда Ге-

родота, который является основным и достоверным источником по истории греко-персидских войн, видно, что персидская армия выступила против Греции, имея детально и заранее разработанный стратегический план.— *Прим. ред.*

<sup>18</sup> Персидское наступление в Греции не было остановлено «незначительными силами греков», так как в решающих битвах силы сторон были приблизительно равными (см.: A. R. Burn, *Persia and the Greeks. The Defence of the West 546—478 B. C.*, London, с. 313 и сл.).— *Прим. ред.*

<sup>19</sup> В документах из Персеполя жрецы, занимавшиеся приготовлением хаомы, вовсе не упоминаются (см.: G. G. Cameron, *Persepolis Treasury Tablets Old and New*,— «*Journal of Near Eastern Studies*», XVII, 1958, с. 163).— *Прим. ред.*

<sup>20</sup> Среди этих племен, по-видимому, были и скифы (см.: Б. Б. Piotrovskiy, *Ванское царство*, М., 1959, с. 116).— *Прим. ред.*

<sup>21</sup> Волюты — витки спиральной формы, встречающиеся на ионийских капителях греков.— *Прим. ред.*

<sup>22</sup> Древнеперсидское название Накш-и Рустама теперь известно из персепольских текстов крепостной стены. В них упоминается местность Нупишти (Нипишти), которую И. Гершевич и В. Хинц независимо друг от друга отождествили с Накш-и Рустамом. Оба исследователя, в частности, исходят из упоминания арабским автором горы Кух-и-Нибист ( «Гора письмен» ), расположенной близ города Истахр. Судя по персепольским текстам, у Нипишти были расположены и царские имения — «парадисы». По-видимому, название Нипишти было дано этому месту из-за высеченных на скале надписей Дария I. Самое раннее упоминание Нипишти в документах относится к 497 г. до н. э. Работы по сооружению на скале гробницы Дария I продолжались много лет, а в 490 г. до н. э. туда была направлена новая партия каменотесов (см.: I. Gershevitch, *Iranian Nouns and Names in Elamite Garb*,— «*Transactions of the Philological Society*», 1969, с. 177—179; W. Hinz, *Die elamischen Buchungstäfelchen der Darius-Zeit*,— «*Orientalia*», 39, 1970, с. 425—426).— *Прим. ред.*

<sup>23</sup> Нет оснований полагать, что сирийцы работали в Персеполе носильщиками (см.: G. G. Cameron, *Persepolis Treasury Tablets Old and New*,— «*Journal of Near Eastern Studies*», XVII, с. 173—174).— *Прим. ред.*

<sup>24</sup> Первая цифра дается по мусульманскому календарю, вторая — по григорианскому.— *Прим. авт.*

<sup>25</sup> Стерильная почва — проверенный археологами грунт, под поверхностным слоем которого не остается ничего, представляющего научный интерес.— *Прим. авт.*

*Перевод упоминаемых в книге  
англо-американских мер в метрические*

**Меры длины**

1 ярд	— 91,44 см	1 кв. фут	— 929,0 кв. см
1 кв. ярд	— 0,8361 кв. м	1 акр	— 4047 кв. м
1 миля	— 1609 м (сухопутная)	1 дюйм	— 25,4 мм
1 фут	— 304,8 мм		

Предлагаемая вниманию читателя книга Д. Уилбера занимает особое место в обширной западной литературе о Персеполе. Итоги многолетних раскопок в Персеполе изложены в двух томах, изданных покойным профессором Чикагского университета Эрихом Шмидтом и рассчитанных на сравнительно узкий круг специалистов<sup>1</sup>. В большинстве других работ о Персеполе, как правило, рассматриваются отдельные археологические проблемы, связанные с этим городом, и стиль его памятников. В своей книге Уилбер сжато и в доступной форме дает описание основных памятников Персеполя, а также общую картину города и жизни в нем. Поэтому можно надеяться, что его работа, переведенная на русский язык, будет с интересом и пользой прочитана советскими читателями. К сожалению, по техническим причинам в настоящем издании пришлось опустить часть фотографий из английского оригинала.

В книге, на наш взгляд, имеются отдельные неточности и ошибки. Мы постараемся высказать свою точку зрения по этим вопросам, а также сообщить некоторые важные сведения о Персеполе, отсутствующие у Уилбера, отчасти потому, что они стали достоянием науки уже после выхода его работы в свет на английском языке.

Персеполь расположен на исконной эламской территории, где персы появились в VIII в. до н. э., то есть за два столетия до того, как началось сооружение города. Эламитяне называли область, где позднее построили Персеполь, Аншаном, и центр ее, как показали недавние раскопки и исследование клинописных текстов, был расположен на территории современного тепе Малиан<sup>2</sup>, в 46 км к се-

<sup>1</sup> E. F. Schmidt, *Persepolis. I. Structures, Reliefs, Inscriptions*, Chicago, 1953; *Persepolis. II. Contents of the Treasury and Other Discoveries*, Chicago, 1957; *Persepolis. III. The Royal Tombs and Other Monuments*, Chicago, 1970. (Этот том посвящен памятникам Накш-и Рустама, расположенного в пяти километрах от Персеполя).

<sup>2</sup> J. Hansman, *Elamites, Archaemenians and Anshan*,— «Iran», X, 1972, с. 101—125; E. Reiner, *The Location of Anshan*,— «Revue d'Assyriologie», 67, 1973, с. 57—62.

веру от Шираза<sup>3</sup>. Аншан считался одним из крупных эламских центров, а в некоторые периоды его истории — и могущественным независимым царством [утверждение Уилбера на стр. 11, что Аншан — «местное название области, включавшей Персию (Парса) и Элам (Худжа)», неточно].

До последней четверти VII в. до н. э. персы находились под властью эламских царей. Когда в 609 г. до н. э. Ассирийская держава пала под ударами мидийцев и вавилонян, Элам попал в зависимость от Вавилонии, а персы были покорены мидийским царем Киаксаром.

Большинство исследователей полагают, что после смерти персидского царя Кира I, около 600 г. до н. э., царство было разделено между двумя его сыновьями, а именно Камбизом I, который стал править Аншаном, и Ариарамной. Последнему, как полагают, досталась Персия; позднее Ариарамне наследовал его сын Аршам, которого впоследствии Кир II лишил власти. Однако эта теория, основанная на шатких аргументах<sup>4</sup>, оказалась несостоятельной, так как недавно выяснилось, что Персия и Аншан, по крайней мере начиная с середины VII в. до н. э., по территории совпадали между собою. Аншан был лишь древним, архаичным, торжественным названием, освященным многовековой традицией, которое еще сохранялось главным образом в царской титулатуре, а действительным названием этой страны по имени ее новых владык стала Персия.

Уилбер, который придерживается вышеупомянутой теории о царствовании Ахеменидов в двух коленах, многократно обращается к надписям Ариарамны и Аршамы, где оба последних названы «великими царями» Персии. Однако большинство ученых, исходя из грамматических и палеографических особенностей этих надписей, вполне обоснованно считают их подделками позднеахеменидского времени<sup>5</sup>. Очевидно, эти надписи были составлены на рубеже V—IV вв. до н. э. Их составители хотели доказать, что представители

<sup>3</sup> Лишь сравнительно недавно выяснилось, что город Шираз существовал еще до прихода персов в Иран и являлся крупным центром виноделия. Само его название также эламское — Тиразиш, но встречаются и написания в форме Ширазиш. См.: G. G. Cameron, *Persepolis Treasury Tablets Old and New*, — *Journal of Near Eastern Studies*, XVII, 1957, с. 167 и сл.; R. T. Hallock, *Persepolis Fortification Tablets*, Chicago, 1969, с. 762.

<sup>4</sup> См.: М. А. Дандамаев, К вопросу о династии Ахеменидов, — «Палестинский сборник», 5, 1960, с. 3 и сл.; D. Stronach, *Achaemenid Village I at Susa and the Persian Migration to Fars*, — *Iraq, Journal of British Archaeology*, XXXVI, 1974, с. 248.

<sup>5</sup> См.: М. А. Дандамаев, Иран при первых Ахеменидах, М., 1963, с. 40—43 (там же приведена подробная литература).

младшей линии Ахеменидов, к которой принадлежали Дарий I и его преемники, были правителями Персии.

Трудно согласиться с мнением Д. Уилбера (которое, впрочем, и ранее высказывалось другими учеными), что известные нам имена ахеменидских царей были их тронными, принятыми при коронации, а их личные — остаются неизвестными (см. стр. 18). Правда, мы знаем тронные имена некоторых персидских царей. Сатрап Гиркании Ох (древнеперсидское имя его было Вахука) стал царствовать под именем Дария (II), а сын последнего принял тронное имя Артаксеркса (III). Сатрап Армении Аршама (по прозвищу Кодиманн) принял имя Дария (III), и, наконец, сатрап Бактрии Бесс объявил себя царем под именем Артаксеркса (IV). Однако Дарий II был сыном вавилонской наложницы (отсюда его греческое прозвище **Нот** — «незаконнорожденный»). Артаксеркс III был младшим из детей царицы Статире и Артаксеркса II, а Бесс и Дарий III являлись только дальними родственниками ахеменидских царей. Таким образом, никто из этих царей не был законным наследником престола, и поэтому принятие ими тронных имен объясняется исключительными обстоятельствами. Если бы другие ахеменидские цари носили тронные имена, то это, надо полагать, отразилось бы в греческих источниках.

В 553 г. до н. э. персидские племена во главе с Киром II подавили восстание против мидийского царя Астиага. Однако нет оснований полагать, как это делает Уилбер, что предварительно в 555 г. Кир заключил союз с царем Вавилонии Набонидом. В 550 г. персы одержали победу над мидийцами и после этого в течение нескольких десятилетий создали мировую державу, охватывавшую страны от Эфиопии и Египта до среднеазиатских областей и долины Инда. Основные этапы этих завоеваний: установление контроля над Эламом около 549 г. до н. э. (Уилбер необоснованно относит завоевание Элама персами к 546 г. до н. э.); покорение стран, входивших в состав бывшей Мидийской державы (Парфии, Гиркании и, возможно, Армении), в 549—547 гг. до н. э.; разгром Лидии в 546 г. до н. э.; захват областей Восточного Ирана и Средней Азии между 545—539 гг. до н. э., Вавилонии в 539 г., Египта в 525 г. и долины Инда около 512 г. Уилбер, несомненно, ошибается, полагая, что после завоевания Лидии в 546 г. до н. э. Кир «на обратном пути в 539 г. до н. э. свернул в сторону и покорил Вавилон» (см. стр. 11). В действительности же предстояла еще долгая подготовка к войне с могущественной Вавилонской державой, и Кир даже помышлять не мог о захвате Вавилона «на обратном пути».

Трудно также согласиться с Д. Уилбером, что Дарий I решил предпринять поход против материковой Греции, потому что

греческие колонии в Малой Азии, находившиеся под персидским господством, получали оттуда помощь в своей борьбе за независимость. Однако помощь материковых греков малоазийским эллинам была невелика и оказалась лишь предложением, а не причиной греко-персидских войн. Дарий I и Ксеркс мечтали о покорении Греции, чтобы еще больше расширить свою державу (Дарий I посылал своих лазутчиков даже на территорию отдаленной Италии).

Д. Уилбер, ссылаясь на утверждение Геродота, пишет, что в армии Ксеркса, выступившей против Греции, было миллион семисот тысяч воинов. Однако такую армию в те времена вообще невозможно было бы снабдить продовольствием, и она должна была растянуться на несколько тысяч километров. Большинство современных историков считают, что войско Ксеркса состояло из 50—75 тысяч человек, не более. Эта армия должна была показаться грекам действительно огромной по представлениям того времени. По мнению Э. Мейера, максимальное число воинов в персидской сухопутной армии во время греческого похода составляло не более ста тысяч человек<sup>6</sup>.

Первым крупным городом, который построили персы, были Пасаргады. Согласно преданию, Кир II распорядился о сооружении своей резиденции именно на том самом месте, где в 550 г. до н. э. была одержана окончательная победа над мидийцами. Однако археологические раскопки свидетельствуют о том, что территория Пасаргад была обитаема задолго до середины VI в. до н. э. Причем строительные работы широко развернулись, по-видимому, лишь после того, как персы обрели независимость.

Следуя распространенному мнению, Д. Уилбер полагает, что персидским названием Пасаргад, «возможно, было Пайшиявада» (см. стр. 11). Однако недавно из персепольских хозяйственных текстов начала V в. до н. э. стало известно, что эламская форма названия Пасаргады, сохранившегося у античных авторов, была Батракаташ<sup>7</sup>. Очевидно, латинское название города в форме *Parsagada* (в некоторых рукописях — *Persagada*), сохранившееся в труде Квинта Курция Руфа «История Александра Македонского» (V, 6, 10), которое обычно переводят как «лагерь персов»<sup>8</sup>, неверно. Надо полагать, что персы сохранили за городом древнее эламское

---

<sup>6</sup> E. Meyer, *Geschichte des Altertums*, III, Stuttgart und Berlin, 1912, с. 374—375; см. также «Fischer Weltgeschichte» (Bd. 5. Griechen und Perser), Frankfurt am Main, с. 54.

<sup>7</sup> R. T. Hallock, *Persepolis Fortification Tablets*, с. 676.

<sup>8</sup> A. T. Olmstead, *History of the Persian Empire*, Chicago, 1948, с. 60.

название данной местности, которое античные авторы передавали неточно.

После 520 г. до н. э., в период царствования Дария I, началось строительство Персеполя, одного из самых знаменитых городов древности. Персеполь раскапывался археологами в течение многих лет, и сейчас это один из наиболее хорошо изученных древних городов. Но в основном наши знания о нем ограничиваются памятниками, дающими яркое представление об ахеменидском искусстве и богатой материальной и духовной культуре того времени.

Однако до сих пор с Персеполем связано много загадок. Прежде всего, нам не совсем ясно, для каких целей был сооружен этот город и каковы функции его зданий. Административной столицей Ахеменидской державы был древний эламский город Сузы. Одновременно Сузы наряду с Экбатанами и Вавилоном являлись резиденцией ахеменидских царей, и в этих городах в определенные сезоны тогда пребывал царский двор (Экбатаны с их горным воздухом были летней резиденцией, Вавилон — зимней; в Сузах цари со своим окружением жили весной). Когда же и для каких целей ахеменидские цари приезжали в Персеполь?

Большинство ученых<sup>9</sup>, в том числе и Д. Уилбер, полагают, что Персеполь был не административным центром, а ритуальной столицей Ахеменидов и что последние вместе со своими приближенными встречали там первый день Нового года (*новруз*), который падал на день весеннего равноденствия, то есть 22 марта. В таком случае можно полагать, что на персепольских рельефах запечатлены мифы и обряды древних иранцев: борьба между старым и новым годом, между добром и злом (которую символизирует битва царя с чудовищами), надежда на благополучие в наступающем году и праздничные пиршества. Полагают также, что на самый большой в древности новогодний праздник приезжали и представители всех подвластных персам народов с образцами типичной для каждой страны подати и складывали ее (или дары) в торжественной обстановке перед царем, который восседал на золотом троне в Тронном зале<sup>10</sup>. Однако это мнение не вполне убедительно, и, во всяком случае, у нас нет каких-либо документальных данных, свидетельствующих о том, что подданные доставляли подарки персидскому царю по случаю Нового года.

<sup>9</sup> См.: А. У. Роуе, *Persepolis as a Ritual City*, — «*Archaeology*», 10, 1957, с. 123—130; R. Ghirshman, *A propos de Persépolis*, — «*Artibus Asiae*», 20, 1957, с. 265—278; К. Erdmann, *Persepolis. Daten und Deutungen*, — «*Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft*», 92, 1960, 21—47.

<sup>10</sup> См.: E. Porada, *Alt-Iran. Die Kunst in vorislamischer Zeit*, Baden-Baden, 1962, с. 143.

Высказывалось также весьма сомнительное предположение, что Персеполь являлся своеобразной астрономической обсерваторией для определения дня весеннего равноденствия и что его здания были расположены таким образом, чтобы вести наблюдения за небесными светилами<sup>11</sup>. Наиболее вероятным представляется нам мнение западногерманского археолога Л. Трюмпельмана, согласно которому Персеполь — это обычная царская резиденция, выполняющая все характерные для нее функции<sup>12</sup>. В пользу этого предположения, на наш взгляд, свидетельствует и сообщение древнегреческого автора Афиней («Пир мудрецов», XII, 513F) о том, что ахеменидские цари проводили осень в Персеполе. Менее вероятным представляется мнение Р. Фрая о том, что Персеполь был летней резиденцией Дария I и Ксеркса<sup>13</sup> (выше говорилось, что летней резиденцией Ахеменидов были Экбатаны). Возможно, прав был Олмстед, полагая, что со времени Артаксеркса I ахеменидские цари редко посещали Персеполь и обычно их туда привозили уже после смерти для погребения<sup>14</sup>. Поэтому Геродоту Персеполь остался неизвестным, и он его ни разу не упоминает. Но при Дарии I и Ксерксе в Персеполе часто пребывал царский двор. Хозяйственные тексты из Персеполя фиксируют выдачу для царских пиров одновременно более 100 000 л зерна и сотен голов скота. Невольно вспоминается сообщение Афиней («Пир Мудрецов», 512) о том, что персидский царь ежедневно дает обед на 15 000 человек и для таких обедов режут 1000 голов скота (быков, баранов, оленей и т. д.). По словам Афиней, стоимость обеда доходила до 400 талантов (около 12 000 кг) серебра.

Недавно в Персеполе удалось сделать удивительное открытие. Во время реставрации было установлено, что рельефы с изображением сидящего на троне царя и наследного принца, который стоит за царем (полагают, что это Дарий I и Ксеркс), первоначально находились на центральной лестнице, ведущей в ападану, но еще в ахеменидское время были перенесены к сокровищнице<sup>15</sup>. Пока трудно сказать, кто и почему распорядился о переносе этих

<sup>11</sup> W. Lentz, W. Schlosser, G. Groppe, Persepolis: Weitere Beiträge zur Funktionsbestimmung, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 121, 1971, с. 254—268.

<sup>12</sup> L. Trümpelmann, Tore von Persepolis. Zur Bauplanung des Dareios, — «Archaeologische Mitteilungen aus Iran», neue Folge, 7, 1974, с. 170.

<sup>13</sup> R. N. Frye, Persepolis again, — «Journal of Near Eastern Studies», 33, 1974, с. 385.

<sup>14</sup> A. T. Olmstead, History of the Persian Empire, с. 352.

<sup>15</sup> A. B. Tilia, Studies and Restorations at Persepolis and Other Sites of Fārs, Rome, 1972, с. 191—208.

наиболее тщательно выполненных рельефов с их торжественного места на малозаметное.

Д. Уилбер полагает, что Персеполь был священным городом, где короновались ахеменидские цари и где их хоронили после смерти. Действительно, в Персеполе и поблизости от него в Накше-Рустаме погребены все ахеменидские цари, начиная с Дария I. Однако трудно согласиться с утверждением, что именно здесь происходила коронация ахеменидских царей. Плутарх в биографии Артаксеркса II (гл. 3), основываясь на более ранних источниках, сообщает, что обряд посвящения на царство проходил в Пасаргадах и вступающий на престол представитель династии Ахеменидов должен был надеть одежду, которую носил Кир II еще до того, как стал царем, а также съесть сушеные фиги, фисташковые орехи и выпить чашу кислого молока. Следовательно, Пасаргады сохраняли значение древней столицы, и именно там короновались цари с соблюдением древних обрядов. Как свидетельствуют археологические раскопки, в Пасаргадах продолжалось строительство и после смерти Кира II. Там, в частности, найдена закладная надпись Ксеркса<sup>16</sup>.

Трудно согласиться с утверждением автора о том, что персидские цари почитали Ахурамадзу «вместе с богами царского дома» (см. стр. 22). В действительности же эту цитату из Бехистунской надписи, как видно из ее вавилонского варианта, следует перевести иначе: «Ахурамазда вместе со всеми богами».

По мнению Д. Уилбера, одной из загадок Персеполя является то, что греческий врач и историк Ктесий «в течение двадцати лет»<sup>17</sup> жил при дворе персидского царя и тем не менее «никогда не видел Персеполя и не упоминал его в своих произведениях», а также то, что западный мир узнал об этом городе впервые из трудов историков похода Александра Македонского (см. стр. 18). Хотя подобные утверждения можно встретить почти в каждой работе о Персеполе, их трудно признать убедительными. Ктесий, ко-

<sup>16</sup> D. Stronach, Excavations at Pasargadae: Third Preliminary Report,— «Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies», III, 1963, с. 19—20.

<sup>17</sup> На самом деле, это преувеличение. Согласно Диодору Сицилийскому (II, 32, 4), который ссылается на труд самого Ктесия, сохранившийся до нашего времени лишь в фрагментах, этот греческий врач жил при дворе персидского царя 17 лет. Многие современные ученые считают, что в труде Диодора содержится ошибка переписчика и вместо «семнадцать» следует читать «семь». См. F. Jacoby, Ktesias,— «Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft», XI, 1922, с. 2033; ср.: И. В. Пьянков, Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия, Душанбе, 1975, с. 10 и сл.

нечно, знал Персеполь и несколько раз упоминает о нем (под названием Персай), когда пишет о доставке туда для погребения тела царя или царицы<sup>18</sup>. Сам Уилбер отмечает, что Персеполь был известен также греческому историку Ксенофону, который в конце V в. до н. э. некоторое время провел в Малой Азии, где поступил наемником в армию ахеменидского царевича Кира Младшего. Но у Ксенофонта, как и у Ктесия, Персеполь назван Персай, и эта форма гораздо ближе, чем Персеполь (греческое название, которое дословно означает «Город персов»), к древнеперсидскому наименованию Парса, охватывавшему как персидский народ, так и всю страну Персию (современная область Фарс) и город Персеполь. Поэтому Уилбер не прав, когда считает, что «в гораздо более поздние времена название Персеполь превратилось в Парс или Фарс» (стр. 18). В действительности дело обстояло как раз наоборот, и слово «Персеполь» явилось греческой переработкой местного названия «Парса».

В Персеполе найдено много тысяч клинописных документов на эламском языке, составлявших архив царского хозяйства. Сведения, которые Уилбер дает об этих текстах, в некоторых отношениях устарели, поскольку большинство персепольских документов было опубликовано уже после выхода его книги в свет. Поэтому на этих документах здесь необходимо остановиться несколько подробнее.

В 1933—1934 гг. археологическая экспедиция Восточного института Чикагского университета раскопала в крепостной стене (в северо-западном углу персепольской террасы) большое количество клинописных текстов на эламском языке. Они получили условное название «таблички крепостной стены». В 1969 г. Р. Халлок издал 2087 «текстов из крепостной стены»<sup>19</sup>. Неизданными остаются еще несколько тысяч документов и крупных фрагментов этой серии (первоначально было объявлено, что находка насчитывает около 30 тыс. табличек, но годных для издания текстов, включая сюда и уже опубликованные, по-видимому, не более 8 тыс. единиц). Они датируются 509—494 гг. до н. э. (т. е. с 13 по 28 г. царствования Дария I) и по содержанию близко примыкают к найденным в 1936—1938 гг. и опубликованным Дж. Камероном документам персепольской сокровищницы, которые датируются 492—458 гг. до н. э. (от 30 г. Дария I до 7 г. Артаксеркса I). Документы со-

<sup>18</sup> G. G. Cameron, *The Persian Satrapies and Related Matters*,— «*Journal of Near Eastern Studies*», 32, 1973, с. 55—56; C. Nylander, *Al-Bērūnī and Persepolis*,— «*Commemoration Cyrus*», vol. 1: *Hommage universel*, Leiden, 1974, с. 138, прим. 4.

<sup>19</sup> R. T. Hallock, *Persepolis Fortification Tablets*.

кровищницы фиксируют выдачу серебра и натуральных продуктов главным образом для работников царского хозяйства<sup>20</sup>. «Тексты крепостной стены» содержат сведения о транспортировке продуктов и скота, о взимании налогов, выдаче рационов для работников, выплате жалованья государственным чиновникам и т. д. Среди них сохранилась также служебная переписка высокопоставленных царских чиновников.

Пожалуй, Д. Уилбер не прав, когда он, ссылаясь на Камерона, процесс составления указанных текстов представляет следующим образом: писец получает устное распоряжение от персидского чиновника и записывает его на арамейском языке на папирусе и коже; затем арамейские тексты отправляют в запечатанном виде в сокровищницу, и там, сломав печати, писцы переводят их с арамейского на эламский язык и записывают клинописью на глиняных табличках. Против этого порядка свидетельствует тот факт, что при наличии в эламских текстах многочисленных древнеперсидских слов там полностью отсутствуют арамейские. Очевидно, свои распоряжения чиновники давали устно на персидском языке, а затем их переводили одновременно на эламский и арамейский, так как эламский был административным языком Персии, а арамейский — государственным языком всей державы<sup>21</sup>. Однако от арамейских текстов сохранились лишь глиняные печати и шнуры, которыми они были привязаны к эламским табличкам, а сами документы сгорели во время пожара в Персеполе в 330 г. до н. э.

Эламские тексты позволяют установить точные даты сооружения многих основных зданий города. Д. Уилбер пишет, что «были найдены монеты, датированные годом основания Персеполя» (см. стр. 56). Однако на монетах нет дат выпуска, и поэтому они несколько не помогают нам выяснить начальную дату строительных работ в Персеполе. Судя по хозяйственным текстам, они начались, во всяком случае, до 505 г. до н. э. Как видно из тех же текстов, около 492 г., при Дарии I, стала сооружаться ападана, которая была завершена лишь к 481 г., т. е. в период царствования Ксеркса. Затем до 472 г. продолжалось украшение зданий, сооружение ворот и дверей, а также создание рельефов. После этого всего за два года, в 466—465 гг., был выстроен Тронный зал. При Артаксерксе I соорудили еще один дворец, и до 458 г. до н. э.

<sup>20</sup> G. G. Cameron, *Persepolis Treasury Tablets*, Chicago, 1948; «Persepolis Treasury Tablets Old and New», — «Journal of Near Eastern Studies», XVII, 1958, с. 161—176; «New Tablets from the Persepolis Treasury», там же, XXIV, 1965, с. 167—192 (всего издано 139 текстов).

<sup>21</sup> F. Altheim und R. Stiehl, *Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden*, Frankfurt am Main, [1961—1962], с. 78—82.

продолжалось украшение зданий. В последующее время, при Артаксерксе III, после долгого перерыва снова были возобновлены работы и сооружен новый дворец в юго-западной части террасы.

Хотя в 458 г., при Артаксерксе I, в основном строительство в Персеполе закончилось, сотни работников должны были следить за состоянием зданий и часто ремонтировать их, так как иначе стены из сырцового кирпича могли бы легко обвалиться во время ливневых дождей, обычных в тех краях между декабром и мартом. Необходимо было также держать в порядке дренажную систему и ухаживать за садами, разбитыми на террасе и в ее окрестностях<sup>22</sup>.

Таким образом, в течение нескольких десятилетий возник город, который, по словам Страбона (XV, 3, 6), был самым благоустроенным и выделялся красотой своих зданий, а по величине уступал лишь Сузам. Страбон добавляет также, что в Персеполе и Пасаргадах хранились главные сокровища Ахеменидов, так как оба эти города были хорошо укреплены и овеяны славой предков.

Хозяйственные тексты дают также достоверную картину жизни и работы мастеров и ремесленников, которые строили Персеполь вместе со всеми его дворцами и другими зданиями. В городе трудились каменотесы, плотники, кузнецы, ювелиры, скульпторы. На строительных работах в Персеполе было занято одновременно около 4000 человек, и его сооружение велось более 50 лет. О масштабах этой работы определенное представление может дать тот факт, что уже на подготовительном этапе нужно было превратить около 125 000 м<sup>2</sup> неровной скальной поверхности в платформу определенной архитектурной формы<sup>23</sup>.

Царские работники, занятые в Персеполе и на других строительствах, называются в текстах курташ (дословно: «домашний раб», но обычно этот термин имеет более широкое значение, а именно — «люди», «работники»).

В этническом отношении курташ состояли из представителей покоренных персами народов: египтян, вавилонян, лидийцев, ионийцев, каппадокийцев, карийцев, согдийцев, бактрийцев и т. д. Например, по свидетельству одного документа, в 501 г. лишь в одной партии работников насчитывалось 547 египтян. В 498 г. в Персеполе работало 224 «ассирийских» (очевидно, сирийских) курташ. В других документах упоминаются 55 каменотесов, «которые прибыли из Египта в Персию», 72 карийских золотых дел мастера, 1149 «разноплеменных» ремесленников и т. д.

Курташ работали не только в Персеполе, но были размещены и в более ста царских имениях по всей Персии и Эламу, обслужи-

<sup>22</sup> E. F. Schmidt, Persepolis, I, с. 43 и 210.

<sup>23</sup> E. F. Schmidt, Persepolis, I, с. 39—40.

вая громадное царское хозяйство. Число таких работников доходило до 20 тысяч. Они жили, как правило, семьями и в соответствии с хозяйственными потребностями переходили с места на места (например, из Суз в Персеполь и т. д.).

Курташ получали плату зерном (обычно ячменем, реже пшеницей и просом, а во время нахождения в пути — мукой), липом и растительным маслом. В период царствования Дария I мужчины обычно получали в день 1 л зерна, женщины — от 0,7 до 1 л, подростки обоего пола по 0,5 л. Сезамное масло выдавали из расчета 1 л в месяц. Взрослым работникам выдавали также пиво (от 10 до 30 л в месяц). Мясо получали лишь небольшое число работников, наиболее квалифицированные ремесленники и старшины рабочих групп. Таким образом, плата или рационы, которые курташ получали при Дарии I, были весьма невелики. Их хватало на жизнь, но вряд ли у работников оставались излишки. Однако с конца царствования Дария I части курташ кроме продуктов стали выдавать также денежную плату нечеканенным серебром. При Ксерксе такая практика начала прочно входить в жизнь и ставки стали гораздо выше, чем при Дарии I, — от 1 до 8 сиклей серебра в месяц. Большинство же курташ получало 3—4 сикля серебра в месяц. Несомненно, это была сравнительно высокая плата — в три-четыре раза больше, чем платили в Вавилонии того же времени взрослому квалифицированному наемному работнику, который в среднем получал 1 сикль серебра в месяц. При этом цены на продукты питания в Вавилонии и Иране VI—V вв. до н. э. были примерно одинаковы. Следует иметь также в виду, что кроме денежной платы курташ получали еще продукты и поэтому им не было надобности часто прибегать к рынку.

Юридический статус курташ был неоднороден. Среди них имелось значительное количество рабов-военнопленных, некоторое число свободных, трудившихся добровольно за плату (например, плетухи), а также лица, отбывавшие годовую повинность на царя. Однако аппарат управления относился ко всем этим группам курташ как к равноправным в экономическом отношении. Именно поэтому не было резкой градации в оплате различных групп курташ. Она, скорее, наблюдалась внутри отдельных групп. Другими словами, если не все курташ получали одинаковую плату, то это зависело от их ремесла, квалификации, интенсивности труда, размера и качества выполненной работы, а также пола и возраста.

Таким образом, в методах управления рабочим персоналом царского хозяйства при Ксерксе (а частично еще в конце царствования Дария I) произошли существенные изменения. Работникам царского хозяйства стали выдавать сравнительно высокую плату,

которая была в несколько раз выше, чем на свободном рынке труда в соседних странах. Очевидно, это вызвало заинтересованность работников в количестве и качестве работы, результатах своего труда и сделало царское хозяйство более эффективным. Появилась возможность за счет огромных средств, собранных в качестве подати с покоренных народов, высоко оплачивать труд квалифицированных ремесленников, строивших царские дворцы и обслуживавших их.

Несмотря на отмеченные выше неточности, работа Д. Уилбера «Персеполь», несомненно, с большим интересом будет встречена советским читателем.

Перевод дается с некоторыми сокращениями.

*М. А. Дандамаев*

От автора . . . . .	3
Глава I. Персеполь — символ державы . . . . .	5
Глава II. Ахемениды и Персеполь . . . . .	15
Глава III. Сооружения в Персеполе . . . . .	27
Глава IV. Рельефы Персеполя . . . . .	62
Глава V. Персеполь со времени пожара до наших дней . . . . .	81
Примечания . . . . .	88
Послесловие М. А. Дандамаева . . . . .	90

*Доналд Уилбер*

ПЕРСЕПОЛЬ

Археологические раскопки  
резиденции персидских царей

*Утверждено к печати*

*Институтом востоковедения*

*Академии наук СССР*

Редактор *Э. О. Секар*

Младший редактор *М. В. Ходакова*

Художник *В. Захарченко*

Художественный редактор *Э. Л. Эрман*

Технический редактор *З. С. Теплякова*

Корректор *Л. И. Письман*

Сдано в набор 25/1 1977 г.

Подписано к печати 23/V 1977 г.

Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бум. № 1

Печ. л. 3,25. Усл. п. л. 5,46.

Уч.-изд. л. 5,54. Тираж 15000 экз.

Изд. № 3899. Зак. № 37. Цена 35 коп.

Главная редакция восточной литературы

издательства «Наука»

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»

Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 35 коп.

